

ВОСХОЖДЕНИЕ СЕНЛИНА

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Фэнтезийная проза
высочайшего уровня.

The Toronto Star

ДЖОСАЙЯ БЭНКРОФТ

ВАВИЛОНСКИЕ КНИГИ. КНИГА 1

Звезды новой фэнтези

Джосайя Бэнкрофт

**Вавилонские книги. Книга
1. Восхождение Сенлина**

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Бэнкрофт Д.

Вавилонские книги. Книга 1. Восхождение Сенлина /
Д. Бэнкрофт — «Азбука-Аттикус», 2013 — (Звезды новой
фэнтези)

ISBN 978-5-389-16371-3

Вавилонская башня – величайшее из чудес света. Это огромный, как гора, слоеный пирог из воинственных и мирных уделов; это мир гениев и тиранов, воздушных кораблей и паровых двигателей, диковинных животных и таинственных механизмов. Всю жизнь проживший в сельской глуши, Том Сенлин убежден, что Вавилонская башня – сердце цивилизации, средоточие всего самого лучшего и возвышенного. Вместе с молодой женой он отправляется туда в свадебное путешествие – и теряет ее в толпе на городском рынке. Потратив два дня на бесплодные поиски, Том решает войти в башню, – вероятнее всего, жена уже ждет его внутри. И попадает в дьявольский лабиринт, нисколько не похожий на счастливый мир, нарисованный его воображением. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-16371-3

© Бэнкрофт Д., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	31
Глава седьмая	36
Глава восьмая	40
Глава девятая	44
Глава десятая	48
Глава одиннадцатая	52
Глава двенадцатая	56
Глава тринадцатая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Джосайя Бэнкрофт
Вавилонские книги
Книга 1: Восхождение Сенлина

Josiah Bancroft
SENLIN ASCENDS

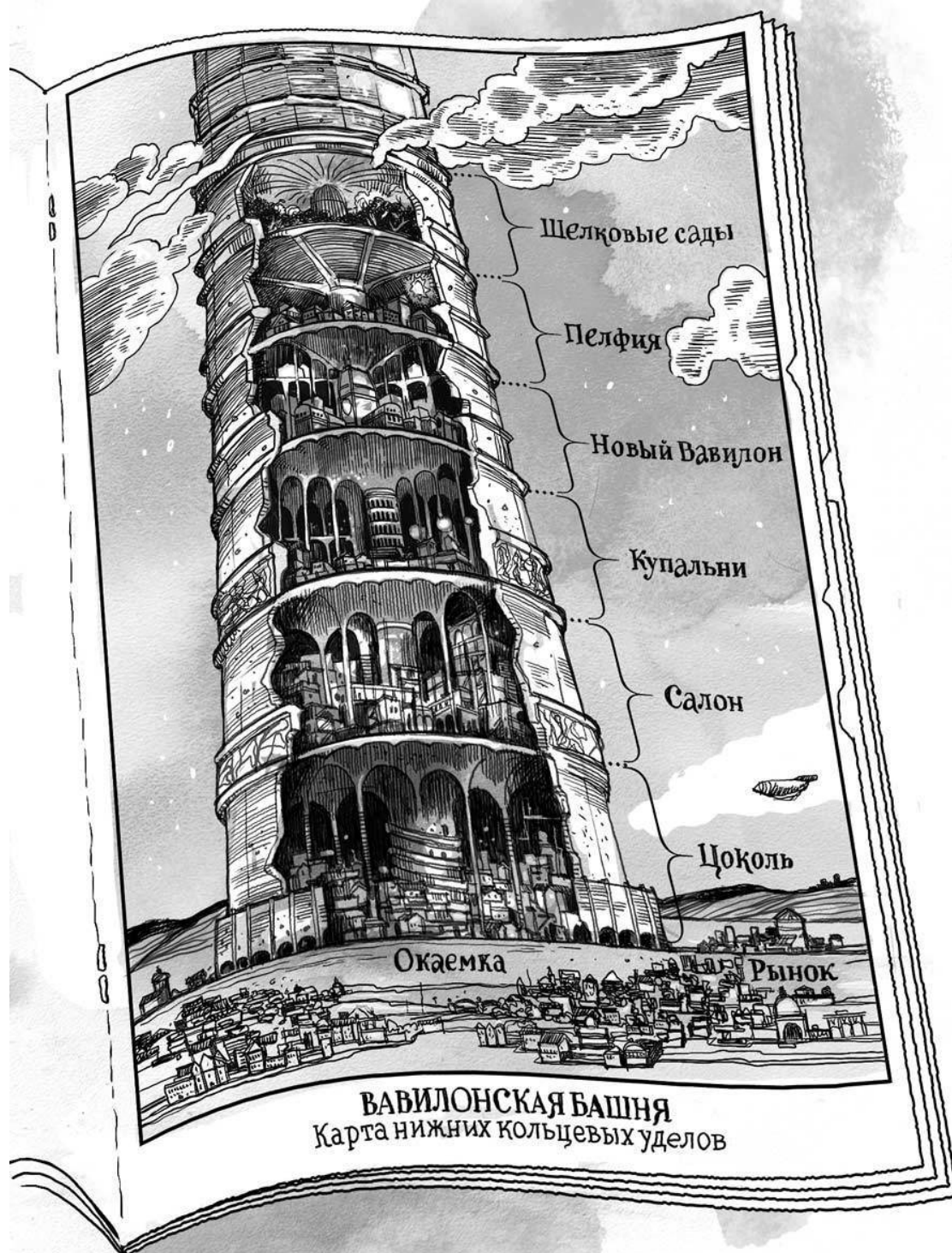
Copyright © 2013 by Josiah Bancroft
This edition is published by arrangement with Sheil Land Associates Ltd and The Van Lear
Agency LLC
All rights reserved

Серия «Звезды новой фэнтези»

© Н. Г. Осояну, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Атти-
кус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Шэрон, которая знает, как не заблудиться в толпе

Вавилонскую башню иногда называют Стоком Человечества. Ни один посетитель не в силах устоять перед ее необъятностью,

*разнообразием кольцевых уделов, загадочными и роскошными высотами.
Мы стремимся к ней, как вода – к отверстию в раковине.*
**Введение к «Популярному путеводителю по Вавилонской башне» (14-
е издание)**

Часть первая Цоколь и Салон

Глава первая

Вавилонская башня наиболее известна изысканными шелками и чудесными воздушными кораблями, которые там производятся, но посетители откроют для себя другие, нематериальные товары, которые можно оттуда увезти. Причуды, приключения и романтика – вот чем на самом деле торгует башня.

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, I.V

Путешествие на поезде от побережья до пустыни, где, подобно торчащему клыку, возвышалась Вавилонская башня, заняло четыре дня. Сперва они миновали пастбища, пестреющие тучными стадами и непривлекательными деревушками, а потом поезд тяжело поднялся к увенчанному снегами вершинам, где обитали кондоры, чьи гнезда были размером со стог сена. Путешественники уже забрались дальше от дома, чем когда бы то ни было. Дорога вниз лежала через сланцевые предгорья, которые, по его словам, напоминали поле, усеянное разбитыми школьными досками, а также – мимо кипарисовых деревьев, которые, по ее словам, походили на открытые зонтики, и в конце концов они въехали в засушливую долину. Земля была цвета ржавых цепей, и пыль от нее липла ко всему. Пустыня совсем не выглядела пустынной. Их поезд двигался в том же направлении, что и множество караванов, каждый – плетущаяся вереница колес, копыт и ног. Все утро путники прибывали, пока потоки не слились в огромную массу, такую плотную, что поезд замедлил ход и теперь едва полз. Их вагон как будто плыл сквозь бурные волны дилижансов и запряженных волами фургонов, сквозь толпы туристов, пилигримов, мигрантов и торговцев из всех провинций огромного государства Ур.

Томас Сенлин и Мария, новоиспеченные супруги, глядели на человеческий зверинец в открытое окно залитого солнцем спального вагона. Ее фарфорово-белая рука невесомо лежала поверх его длинных пальцев.

Мимо неспешно проехал отряд солдат в красногрудых мундирах, верхом на лошадях соловой масти, разминувшись с семьей в клетчатых головных шарфах, путешествующей на верблюдах. Сквозь громохание поезда доносились трубные крики слонов, и тут и там в горячем воздухе над ними лениво покачивались воздушные корабли, неотвратимо дрейфуя к Вавилонской башне. Аэростаты, благодаря которым летали эти суда, пестротой напоминали майские деревья.

С той поры, как поезд повернул к башне, они не видели ее величественный шпиль из окна купе. Но это не мешало Сенлину описывать достопримечательность.

– Вспыхивает много споров по поводу того, сколько в ней уровней. Одни ученые говорят, что пятьдесят два, другие – что по меньшей мере шестьдесят. С земли оценить их количество невозможно. – Сенлин перечислял и перечислял факты, достойные внимания молодой жены, как делал на протяжении всего путешествия. – Некоторые люди, в основном воздухоплаватели

и мистики, утверждают, что видели верхушку башни. Конечно, никто из них не может подкрепить хвастовство доказательствами. Ты не поверишь, но кое-кто из исследователей даже заявляет, будто башню все еще строят. – Тривиальные детали успокаивали его, как и всякое перечисление фактов.

Томас Сенлин был сдержанным и от природы робким человеком, который черпал уверенность в стабильности расписаний, схем и выписанных счетов.

Мария старательно кивала, хотя и откровенно отвлеклась на человеческий парад снаружи. Взгляд ее больших зеленых глаз возбужденно метался от одной экзотической диковинки к другой: то, что Сенлин вскользь подмечал, она поглощала. Сенлин знал: в отличие от него Марию будоражили зрелища и толпы, хотя дома ей редко доводилось видеть и то и другое. Действо за ее окном ничем не напоминало Исо, пропитавшийся солью рыбацкий поселок, от которого их теперь отделяла не одна сотня миль. Исо был единственным настоящим домом Марии, не считая консерватории для молодых женщин, где она училась на протяжении четырех лет. В Исо имелись два паба, клуб «Вист» и зал собраний, который по необходимости становился балльным залом. Вряд ли такое можно назвать центром культурной жизни.

Мария подпрыгнула на сиденье: рядом с нею неожиданно возникла голова верблюда. Сенлин попытался успокоить жену собственным примером, но сам чуть не взвизгнул, когда верблюд фыркнул и забрызгал их теплой слюной. Раздосадованный таким нарушением благопристойности, Сенлин прочистил горло и, размахивая носовым платком, прогнал животное.

Ложечки задребезжали в пустых чашках, оставшихся после завтрака, когда машинист затормозил и поезд почти остановился. Томас Сенлин планировал это путешествие и собирал деньги на протяжении всей своей карьеры. Он хотел увидеть чудеса, о которых так много читал, и хотя это должно было стать испытанием для его нервов, он надеялся, что самообладание и острый ум помогут справиться. Он всегда мечтал подняться на Вавилонскую башню, пусть даже совсем невысоко, и сейчас очень волновался. Впрочем, никто бы не понял этого, взглянув на Сенлина: он, как правило, держался холодно, скрывая бурю эмоций в душе. Так он вел себя в классной комнате. Он не умел по-другому.

Снаружи воздушный корабль прошел над землей достаточно низко, чтобы страховочные тросы задели головы людей. Сенлин удивился, отчего корабль так опустился – или он только взлетел? Мария весело вскрикнула и прижала ладонь к губам. Сенлин, раскрыв рот, уставился на капитана, который яростными жестами приказывал матросам разжечь топку и натянуть фалы, что они и поспешили сделать посреди всеобщей паники, но все же юноша из толпы успел схватиться за провисший трос. Искатель приключений тотчас же взлетел над скоплением людей, его ступни едва не задели крышу дилижанса, а потом бедолагу потащило вверх, и он скрылся из вида.

С земли сцена казалась комичной, но у Сенлина скрутило желудок, когда он представил, что чувствует юноша, летя высоко над бескрайней толпой, удерживаясь лишь благодаря силе рук. Да уж, быстротечный инцидент казался таким причудливым, что Сенлин решил выкинуть его из головы. В «Путеводителе» Рынок называли «беспорядочным местом». Кажется, на деле все еще хуже.

Он и не думал, что отправится в это путешествие как молодожен. Более того, он даже не представлял себе, что однажды найдет женщину, которая его привлечет. Мария была моложе на дюжину лет, но тридцатипятилетний Сенлин не считал их недавнюю свадьбу чем-то весьма примечательным. Однако в Исо по этому поводу кое-кто изогнул бровь. Жители поселка, приютившиеся на отвесных скалах возле океана Ниро, с подозрением относились ко всему, что выпадало из привычного цикла приливов, отливов и рыбацких сезонов. Однако Сенлин, будучи директором и единственным учителем школы Исо, обычно относился к слухам безразлично. Молва, конечно, доносила до него многое. С его точки зрения, слухи были чем-то вроде

театра для необразованных, а женился он не для того, чтобы предоставить всем и каждому тему для разговора за завтраком.

Он женился исключительно из практических соображений.

Мария была хорошей партией. Со славным характером, начитанная; задумчивая, но не мечтательная; воспитанная, но не высокомерная. Она сносила долгие часы, которые он посвящал занятиям, и его молчаливость, которую остальные ошибочно принимали за стоицизм. Он воображал, что она вышла за него, потому как он добрый, с ровным нравом и надежной работой. Он зарабатывал пятнадцать шекелей в неделю, а в год – тридцать мин; никоим образом не состояние, но для достойной жизни хватит. Внешность точно роли не сыграла. Если глядеть на черты его лица по отдельности, то они были достаточно красивы, но в совокупности представлялись слегка неуместными и неправильными. Ученики Сенлина между собой называли его Осетром, потому что он был худым, длинным и костлявым.

Конечно, у Марии имелись собственные необычные привычки. Она читала книги по пути в город, вследствие чего изорвала много юбок и не раз ссадила колени. Она не боялась высоты и время от времени забиралась на крышу, чтобы поглядеть, как из-за горизонта появляются паруса кораблей, идущих в гавань. Она играла на пианино – хорошо, но вместе с тем немного грубо. Она пела, как безумная русалка, и так неистово тарабанила по клавишам, исполняя баллады и веселые быстрые мелодии, что инструмент приходилось настраивать заново. Любопытно, что ее причудами как раз и восхищались. Горожане находили Марию очаровательной и часто просили сыграть в местных пивных. Даже унылые серые зимы Исо не унимали ее жизнелюбия. Когда она вышла замуж за Осетра, все растерялись.

Сегодня Мария оделась по-дорожному: на ней была юбка цвета хаки длиной до колен и простая белая блуза, а струящиеся темно-рыжие волосы скрывал в каком-то смысле эксцентричный пробковый шлем. Она выкрасила его в красный, что Сенлину не очень-то понравилось, но Мария заставила мужа смириться с этой деталью наряда, заявив, что так ее легче будет разыскать в толпе. Сенлин был в сером вельветовом костюме, который казался ему слишком легкомысленным даже для путешествия, но Мария заявила, что костюм модный и слегка шалопутный, а в чем еще смысл медового месяца?

Проворный мальчик в грубом жилете из козлиной шкуры вскарабкался по боковой части вагона. Сенлин купил у него большой бублик – мальчишка таскал их нанизанными на руку, и они с Марией разделили корочку и пышный мякиш, пока поезд полз к Вавилонскому центральному вокзалу, где заканчивалось так много железнодорожных путей.

Их медовый месяц пришлось отложить ввиду естественного хода школьных занятий. Сенлин мог бы выбрать более удобный и экономный пункт назначения – отель на побережье или деревенский коттедж, где можно уединиться на выходные, – но Вавилонская башня представлялась чем-то бóльшим, нежели место для отдыха. Целый мир возвышался на основании из подстилающей породы. Будучи юношей, он читал о культурном вкладе башни в развитие театра и искусства, о ее достижениях в науке и высокоразвитых технологиях. Даже электричество – по-прежнему неслыханный товар во всех городах Ура, исключая самые крупные, – на высоких уровнях башни, по слухам, изобиловало. Она была маяком цивилизации. Старая поговорка гласила: «Не Земля сотрясает башню, а башня сотрясает Землю».

Поезд наконец-то остановился, хотя вокзала за окном не наблюдалось. Объявился проводник и сообщил, что придется сойти: на путях слишком много народу, чтобы состав мог двигаться дальше. Похоже, никто не видел в этом ничего необычного. После нескольких дней, проведенных сидя, в покачивающемся на рельсах вагоне, перспектива прогуляться показалась привлекательной. Сенлин собрал багаж: свой кожаный портфель и чемоданчик Марии, с колесиками снизу и нажимной ручкой – сверху. Он настоял, что понесет и то и другое.

Пока она затягивала шнурки на коричневых кожаных ботинках и расправляла юбку, Сенлин повторил три важнейших совета, которые вычитал в «Популярном путеводителе по Вави-

лонской башне». Прежде всего держать деньги при себе. Еще до отъезда он попросил сельского портного пришить потайные карманы на пояс его брюк и на подоле ее юбки. Во-вторых, не подавать нищим. Те от этого лишь наглеют. И наконец, никогда не упускать из вида спутников. Сенлин попросил Марию повторить эти пункты, пока они быстрым шагом шли по устланному золотым ковром коридору, соединявшему вагоны. Она подчинилась, но не преминула пошутить:

- Правило четвертое: не целовать верблюдов.
- Это не четвертое правило.
- Скажи об этом верблюдам! – отозвалась она и весело припустила вперед.

И все же ни он, ни она не были подготовлены к зрелищу, которое увидели, спустившись по ступенькам поезда. Вокруг простиралась толпа, похожая на застывшее желе. Поначалу они едва могли двигаться. Лысый мужчина с огромным конопляным мешком на плече и железным кольцом на шее пихнул Сенлина, и тот врезался в красноглазую женщину; она оттолкнула его, засмеявшись и обдав перегаром, а затем снова утонула в болоте тел. Над головами передавали клетку со взволнованными канарейками, которые осыпали плечи дурно пахнущими перьями. Дюжина женщин в черных одеяниях паломниц – сторонниц загадочной веры – прошла мимо, и бедра их колыхались в одинаковом ритме, как тела качения в огромном подшипнике. Немытые дети, груженные подносами с надушенными матерчатыми цветами, игрушечными вертушками и фруктами в карамели, протискивались мимо, и каждый ребенок был привязан к другому длинной веревкой. Кроме железнодорожных путей, здесь не было никаких дорог – ни брусчатки, ни бордюров, только ржаво-красная, сбита до твердости камня земля под ногами.

Все это так ошеломяло, что на мгновение Сенлин окоченел, словно труп. Резкие возгласы торговцев, хлопанье брезента, звон упряжи и невнятный гул десяти тысяч чужеродных голосов творили общий шумовой фон, который можно было только перекричать. Мария схватила мужа за пояс у самого позвоночника, рывком вынудила стряхнуть оцепенение и двинуться вперед. Сенлин знал, что они не могут стоять на месте. Он собрался с духом и сделал первый шаг.

Их затянуло в лабиринт торговых палаток, повозок и шатких столов. Проулки между торговыми рядами были запутанными, как детские каракули. Над столами повсюду торчали временные бамбуковые стеллажи, покосившиеся от тяжести джутовых ковриков, луковых гирлянд, фонарей из дырявых жестянок и плетеных кожаных ремней. Яркие полосатые навесы от солнца загораживали небо, хотя даже в их тени присутствие светила не вызывало сомнений. Сухой воздух был горячим, как свежий пепел.

Сенлин тащился вперед, надеясь отыскать дорогу или указатель. Ни то ни другое не появлялось. Он позволил толпе увлечь себя, не пытаясь разыскать путь. Увидев просвет, он бросился туда. Пройдя таким образом, возможно, сотню шагов, он понял, что понятия не имеет, в какой стороне остались рельсы. Он пожалел, что отошел от них. Они могли пройти вдоль путей до Вавилонского центрального вокзала. Он забеспокоился из-за того, что так быстро заблудился.

И все же Сенлин был достаточно осторожен, поэтому время от времени поворачивался и улыбался Марии. Ее сияющая улыбка не угасала. Он не хотел, чтобы она встревожилась из-за незначительного затруднения.

Впереди обнаженный по пояс парнишка обмахивал висящие тушки ягнят и кроликов, не давая облаку мух осесть. Мухи и сладкая вонь, которой веяло из лавки мясника, вынуждали толпу огибать это место, и они смогли там ненадолго остановиться, пусть от смрада и мутило. Поставив чемодан Марии между ними, Сенлин вытер шею носовым платком.

– Да уж, многолюдно, – сказал Сенлин, стараясь не выдать растерянность, хотя Мария ничего не замечала; она смотрела куда-то поверх его головы, и на ее красивом лице отражалось потрясение.

– Это замечательно, – сказала она.

Над ними сквозь щель между навесами виднелась синева, и там, словно удерживающая небосвод колонна, стояла Вавилонская башня.

Обращенная к ним сторона башни пестрела белым, серым, ржавым, желто-коричневым и черным, выдавая множество разновидностей камня и кирпича, использованных в строительстве. Окраска напомнила Сенлину шкуру пятнистой кошки. В архитектурном смысле силуэт башни выглядел уныло, как покрытый вмятинами рифленый ствол пушки, но ее украшали огромные фризy, причем каждая полоса была выше, чем дом. Вершина башни пряталась за плотным кольцом туч. В «Популярном путеводителе» отмечалось, что верхние уровни постоянно окутаны туманом, хотя производило ли древнее строение облака или притягивало их, оставалось темой для рассуждений. Как бы там ни было, пик башни никто и никогда не видел с земли.

Описание Вавилонской башни в «Популярном путеводителе» не подготовило Сенлина к тому, какой немисливо огромной она оказалась. По сравнению с нею зиккураты Южного Ура и цитадели Западных равнин выглядели игрушечными домиками, вроде тех, которые дети строят из сахарных кубиков. На возведение башни ушла тысяча лет. По мнению некоторых историков, больше. Ошеломленный этим чудом и кипучей суетой Рынка, Сенлин задрожал. Мария успокаивающе сжала его руку, и он выпрямил спину. В конце концов, он же директор школы, глава скромного сообщества. Да, надо протолкаться сквозь скопище людей, но стоит добраться до башни – и толпа поредеет. Еще немного терпения – и они, несомненно, окажутся в более приятной компании. Через несколько часов они будут сидеть со стаканчиками портвейна в недорогом, но уютном жилье на третьем уровне башни – местные называли его Купальнями, – в точности как планировали. Они будут спокойно изучать этот самый человеческий рой, внизу, но с более комфортного расстояния.

Теперь, по крайней мере, у них был ориентир, к которому следовало стремиться.

Сенлин также постепенно открывал более действенный способ продвижения через толпу. Он обнаружил, что если остановиться, то снова пойти вперед трудно, однако можно добиться успеха, проявив побольше твердости и решительности. После нескольких минут следования за ним Мария достаточно успокоилась, чтобы отпустить его пояс, и от этого обоим стало намного легче идти.

Вскоре они оказались на одном из множества одежных базаров, неотъемлемой части Рынка. Кружевные платья, вышитые передники и рубашки с манжетами висели на крючках и веревках, которые изобиловали, как ветки в лесу. Костюм можно было отыскать любого цвета, от таусинного до палевого; детали интимной женской одежды свисали с бамбуковых лестниц, словно шкуры экзотических змей. На ближайшем столике возвышалась огромная, как сугроб, куча сложенных квадратиком носовых платков.

– Давай я куплю тебе платье. Вечера здесь теплее, чем мы привыкли. – Ему пришлось говорить ей на ухо.

– Хочу что-нибудь коротенькое, – сказала она, снимая пробковый шлем и открывая прямые бронзовые кудри. – Что-нибудь скандальное.

Он взглянул на нее, задумчиво хмурясь, пряча изумление. Он знал, что таким флиртом в медовый месяц наслаждаются, вероятно, даже благопристойные пары. И все-таки он был не готов и не смог ответить в таком же игривом тоне.

– Скандальное?

– Твоим ученикам об этом знать не стоит. Хочу всего лишь безделицу, чтобы скомпрометировать веревку для развешивания белья у нас дома, – сказала она и провела пальцем по его руке, словно зажигая спичку.

Он смутился. Впереди простирались акры палаток, извергающих каскады женского белья. В поле зрения не было ни единого мужчины.

Пятнадцать лет холостяцкой жизни не подготовили Сенлина к тому, что к ландшафту его спальни прибавилось нижнее белье Марии. Обнаруживая ее исподнее висющим на столбиках кровати и дверных ручках в своем старом святилище, он поначалу вздрагивал от ужаса. Но такая масса ночных сорочек, домашних кофт, корсетов, чулок и бюстгалтеров, которую прочесывали тысячи незнакомых женщин, была несравнимо унижительней.

– Я лучше останусь с багажом.

– А как же твои правила?

– Ну, если ты не будешь снимать эту красную миску, я преотлично замечу тебя отсюда.

– Если заблудишься, встретимся на вершине башни, – театрально произнесла она.

– Вот уж нет. Встретимся на этом месте, рядом с этой тележкой с носками.

– Какой же ты романтик! – сказала она, обходя двух крупных женщин, одетых в синие белые платья с передниками, вышедшие из моды много лет назад.

Сенлин заметил с удивлением, что женщины были привязаны друг к другу толстой джутовой веревкой, прикрепленной к талиям.

Он спросил, не с востока ли они, и дамы в ответ назвали рыбачий поселок, расположенный неподалеку от Исо. Они поделились ностальгией, обычной для жителей побережья: восходы, морские звезды, милое ночное бормотание прибоя, а потом Сенлин спросил:

– Вы приехали отдохнуть?

Они ответили материнскими, слегка снисходительными улыбками.

– Наш отдых давным-давно закончился, – сказала одна.

– Вы повсюду ходите связанными? – Теперь его голос звучал чуть насмешливо.

– Да, разумеется, – ответила старшая. – С той поры, как потеряли младшую сестру.

– О, мне жаль. И давно она умерла? – спросил Сенлин, вновь искренне.

– Весьма надеюсь, что она жива. Но прошло три года. Кто его знает.

– Может, она каким-то образом сумела вернуться домой? – проговорила другая сестра.

– Она бы нас не бросила, – ответила старшая тоном, намекающим, что на эту тему они уже много раз спорили.

– С вашей стороны отважно приехать в одиночку, – вновь обратилась к нему младшая из старых дев.

– О, благодарю, но я не один. – Устав от разговора, Сенлин потянулся к рукоятке чемодана – и обнаружил, что тот исчез.

Сбитый с толку, он завертелся на месте, окидывая взглядом сперва землю, а потом – невыразительные, невозмутимые лица спящих людей. Чемодан Марии исчез.

– Я потерял багаж, – сказал Сенлин.

– Раздобудьте себе хорошую веревку, – посоветовала старшая сестра и, протянув руку, похлопала его по бледной щеке.

Глава вторая

Опытные покупатели наслаждаются Рынком, который расположен вокруг башни, у подножия. Не бойтесь повернуться и уйти во время торга: небольшое отступление может помочь заключить отличную сделку.

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, I.IV

Сенлин сидел на плите из песчаника у подножия башни и ел фисташки, которые купил на завтрак. Потрескавшиеся губы саднили. Коричневые птички рылись в выброшенных скорлупках, выклеывая остатки ядрышек. Он не знал, что это за пичуги. Несколько часов назад он купил воды – один несчастный ковшик стоил столько же, сколько глоточек хорошего бренди дома, в Исо. Ему уже снова хотелось пить.

Как любой антрополог-любитель на его месте, Сенлин привез с собой блокнотик, чтобы записывать впечатления, но не раскрыл его ни разу после того, как сошел с поезда. Он не хотел записывать ничего из случившегося. В безвольно опущенной руке он держал «Популярный путеводитель». Рядом лежал неряшливый узел женского белья. От изнеможения у Сенлина кружилась голова и тряслись пальцы. Если бы он лег на спину на нагретый солнцем камень и закрыл глаза, то уснул бы мгновенно. Он опасался, что именно это и сделает.

Миновало уже два дня после того, как они сошли с поезда, два дня после того, как он впервые увидел башню через дырявый навес, два дня после того, как его жена отвернулась и, смеясь, ушла искать платице. Скандальное.

Вавилонская башня вздымалась перед ним, словно ступень огромного плато, словно скала, которая тянется вверх, теряясь в облаках. Если не считать арочного входа, который зиял в конце утопающего в густых тенях туннеля в сотне футов от Сенлина, стены башни в нижней части не нарушали ни окна, ни карнизы. В вышине он различил торчащие из нее структуры, точно шипы на стволе старого розового куста. Воздушные корабли льнули к этим шипам, и с такого расстояния их гондолы казались размером с тлю. Небесные порты, предположил Сенлин. Он читал, что у большинства уровней башни – или «кольцевых уделов» – есть по несколько таких портов. Ах, если бы они с Марией прибыли на корабле! Но путешествия по воздуху были слишком дороги; два билета съели бы его заработок за год. Что еще хуже, его укачивало. Жители Исо часто его из-за этого поддразнивали: «Рыбий учитель живет и не тужит, только волна ему голову кружит». Он не хотел начинать медовый месяц, свесившись через перила воздушного корабля и усеивая пейзаж содержимым желудка. Кроме того, путь к их пункту назначения, Купальням, был частью приключения, и Мария с нетерпением этого ждала.

Огорошенный внезапной мыслью, Сенлин вздрогнул и едва не свалился с камня. Бумажный пакетик с фисташками выскользнул из руки и упал к подножию плиты, бледные скорлупки раскатились во все стороны по красной земле, твердой как камень.

Он заранее знал, что найдет искомое в портфеле, и все равно принялся неистово рыться, проверил боковой карман, запасные ручки, щетку для пальто и чистые открытки, пока наконец рука не нащупала причину тревоги. Он вытащил два билета на поезд.

Ее обратный билет остался у него.

Сенлин только на мгновение отвлекся из-за потери ее багажа и ринулся сквозь плотную толпу торговцев и туристов, совершенно не понимая, в каком направлении скрылись воры. Вскоре он сдался и признал, что чемодан утрачен. Он вернулся к ларьку, почти уверенный в том, что именно возле этого прилавка с носками они стояли всего-то несколько минут назад, и провел там первый день, а потом и первую ночь их с Марией медового месяца в Вавилонской башне, переминаясь с ноги на ногу, совершенно один. Он не сомневался, что она найдет дорогу назад. Он сосредоточился на том, чтобы сохранять спокойствие, здравый ум и даже время от времени верить в лучшее. Это не такая уж большая неприятность. Возможно, это приключение – одно из тех, которые делают рассказы об отпуске столь увлекательными. Она вернется.

Но всю ночь он наблюдал, как свернули сначала один ларек, а затем другой, их товары утащили верблюд и мул, запряженные в сани и в фургон. Появились новые торговцы. Воздвигли новые навесы и столы, изменив рельеф проулков между лавками, изменив даже контуры неба над ним. Теперь стало понятно, почему «Популярный путеводитель» не включал карт Рынка. С тем же успехом можно было попытаться нарисовать схему завтрашнего заката. Эволюция Рынка не прекращалась. Когда киоск с носками, где Сенлин пообещал ждать Марию, превратился в лавку масляных ламп, он понял, что она никогда не найдет дорогу к нему. Он больше не мог стоять без дела.

На следующий день он взялся за систематические поиски, начиная с того, что осталось от шелкового района Рынка, где она исчезла. Он как мог двигался по расширяющейся спирали, время от времени покупая у торговцев то шелковую комбинацию, то пару чулок – мелочь, достаточную, чтобы ненадолго привлечь внимание и спросить, не видели ли они вчера женщину в красном пробковом шлеме. Он радовался по крайней мере тому, что мог с легкостью ее описать: женщина в красном шлеме. Она оказалась умнее и благоразумнее, чем он считал. Проведя таким образом день, он собрал неудобный узел женской одежды. Новостей о Марии не было. Одежные лавки превратились в гончарные, а столы с шелками уступили место галереям фаянсовой посуды и прочей керамики.

Там, где навесы и палатки стояли не очень густо, он взбирался на бочонки с ящиками и окидывал взглядом толпу, уверенный, что она должна выделяться среди людей, как птица-кардинал на дереве. Но в толчее невозможно было отчетливо разглядеть кого-либо. Почти неосознанно поиски уводили его все ближе к башне, которая оказалась дальше, чем он считал поначалу. Или, возможно, он всего лишь забрел далеко от нее. Сенлин ни в чем не был уверен.

Пока текли часы второй ночи, он растерял организованность и сдержанность. Он бессмысленно бродил туда-сюда, звал ее по имени. Увидев хоть проблеск красного, ломился через палатки и продавцов, отталкивал суетящихся покупателей, кричал, задыхаясь: «Мария, Мария!» – но обнаруживал всего лишь мужчину в красной феске, мальчика с красным бумажным фонарем на шесте или красную попону, выглядывающую из-под седла лошади...

Он не привык впадать в панику и не знал, как себя утешить под натиском отчаяния. Их медовый месяц испорчен, это уж точно. Придется сочинить роскошную байку и рассказывать друзьям, и он, конечно, Марии все возместит тихими выходными в сельском коттедже, но до конца их брака она будет помнить, каким ужасным испытанием оказался их медовый месяц. Зловещее начало.

Куда бы Сенлин ни взглянул, он повсюду видел группы людей, связанных веревками. Любое продвижение через толпу затрудняла паутина поводков. Почему «Путеводитель» упустил это зернышко мудрости? «Прихватите с собой хорошую веревку».

Сенлин спрятал билеты на поезд между страницами «Путеводителя», проклиная себя за то, что оказался так близорук и оставил оба в своем портфеле. Он задался вопросом, достаточно ли у нее денег на новый билет, и быстро подсчитал в уме. У него четыре мины, шестнадцать шекелей и одиннадцать пенсов, и, если Марию не ограбили, у нее примерно столько же.

Билет в Исо, даже третьего класса, стоит по меньшей мере шесть мин. Нет, у нее недостаточно денег. Мария здесь застряла.

Худой как щепка старик, лысый и голый по пояс, прошел мимо каменной плиты, на которой устроился Сенлин. Дед шатался, согнувшись в три погибели под весом мешка. Почерневшие реки стекали по его спине – пот смешивался с угольной пылью. Старый раб с изогнутой, как у гуся, шеей шел нетвердой походкой и смотрел только на каблуки хорошо одетого туриста впереди. Оба были частью колонны путешественников, стремящейся ко входу в башню. В остальном местность вокруг стен пустовала. Ничейная земля простиралась на сотню шагов от основания. Сенлин не понимал, отчего пространство оставили пустым, в то время как на Рынке невозможно протолкнуться.

– Вы заблудились? – спросил молодой человек, остановившись рядом, у основания плиты.

– Почему вы спрашиваете? – спросил Сенлин.

Юноша моргал от яркого солнечного света, его густые темные волосы блестели, смазанные маслом. Он был невысокого роста, но широкоплечий и с узкой талией, как акробат, с кожей насыщенного оливкового цвета, на фоне которой золотистые искры в глазах сверкали особенно ярко.

– Большинство людей не отдыхают на Окаёмке. Этот камень, на котором вы сидите...

– Священный?

– Всего лишь надгробие. Оно упало несколько дней назад и раздавило туриста.

– Откуда упало? – потрясенно спросил Сенлин.

Юноша вместо ответа указал вверх.

Сенлин, теперь почувствовав себя на виду, сполз по гладкой поверхности каменной плиты.

– Я не понимаю, – сказал он, отряхивая штанины и расправляя пиджак. – Вавилонская башня – самое надежное сооружение в мире. Она стоит на подстилающей породе глубокого залегания. Валуну не могут падать с нее, как желуди с дуба. Это же чудо инженерного искусства! – Сенлин помахал «Популярным путеводителем» перед юношей, словно книга доказывала сказанное.

– О, еще какое чудо. Но иногда она роняет на нас маленькие чудеса, – ответил тот. – Не имеет значения, падает ли что-то со второго или с двадцать второго кольца. Все приземляется одинаково – на Окаёмке. Я бы на вашем месте палатку тут не разбивал.

Открытие совершенно не вязалось ни с тем, что Сенлин вычитал, ни с тем, чему он учил детей, рассказывая про башню, – а ведь это всегда были его любимые уроки. Он рисовал схемы башни и сети железных дорог, которые устремлялись от нее. Он излагал в общих чертах запутанную историю башни и цитировал маститых историков, которые спорили по поводу ее возраста, изначальных архитекторов, внутренней машинерии и ее назначения. Он даже рассказывал про Купальни, известные лечебными курортами, куда обещал взять Марию.

– Я прочитал дюжину книг про башню. Я никогда не слышал об Окаёмке.

– Может быть, ваши книги устарели. – Лицо юноши посерьезнело, когда Сенлин не улыбнулся в ответ. – Меня зовут Адамос Борей. Зовите меня Адамом.

Сенлин пожал сильную руку молодого человека и представился.

Зрелые речи Адама и его уверенность в себе немного обезоруживали. Хотя его борода все еще походила на лоскутное одеяло из юношеского пуха и более жесткой щетины, вел он себя совсем по-взрослому.

– Полагаю, вы торгуете шелком. – Адам кивком указал на узел женского белья, который все еще лежал на отвратительной каменной плите. Черные шелковые чулки высовывались из него, словно язык из пасти.

Сенлин сконфузился и затолкал чулки в узел. Его смущение лишь возросло, когда он сказал:

– Это для моей жены.

– А где ваша жена? – спросил Адам и изогнул шею, высматривая ее вокруг.

Язык Сенлина сделался сухим и неподатливым, как кожаный ремень. Он подумал, что подавится, если попытается сглотнуть. Он бы вознаградил по-королевски за глоток чего угодно, и все-таки хуже жажды было признание, которое застряло комом в опухшем горле. Он чувствовал себя так же, как в первый день перед классом, – мошенником. Ну что за муж мог потерять жену?

Сдернув узел с плиты и зажав под мышкой, он ответил Адаму жалкой улыбкой и сказал:

– Странно, что вы спросили о моей жене. Похоже, я ее потерял.

Глава третья

Счастлив тот путешественник, который ищет самый широкий, самый исхоженный путь, поглядывает на попутчика, чтобы вдохновиться его поведением, ведет себя как эхо, но не повышает голос. Опасно торить тропу, когда твою дорогу уже проложили другие.
Популярный путеводитель по Вавилонской башне, I. VI

Койка в спальном купе была недостаточно широка для двоих. Приходилось лежать плечом к плечу, и потолок нависал на расстоянии вытянутой руки. Луна мелькала за горными соснами, словно стробоскоп, и вагон тихонько покачивался, как колыбель.

Сенлин был во всех смыслах не готов к браку. Ему не хватало ни воображения, ни эмоциональной теплоты, которые требуются для близости. Так что он лежал на спине, словно рыба, выброшенная прибоем, осетр, задыхающийся без воды. Вот луна, и качающаяся колыбель, и никаких посторонних глаз, и вся романтика, какой только можно желать, и что же он сделал? Захлебнулся в возможностях.

Мария лежала, приподнявшись на локте, и смотрела на него, покуда он пялился в никуда. Она прижала палец к его щеке и приподняла уголок рта, нарисовав ему улыбку, похожую на рыболовный крючок, пытаясь как-то его расшевелить. Она потянула его за мочку уха, куснула за плечо, подула на шею. А он все лежал, иногда вздрагивая, но не отвечая.

– Скажи мне, Том, насколько глубок колодец под башней?

Сенлин сглотнул ком в горле и квакнул:

– Если я не ошибаюсь, шесть тысяч футов.

– Шесть тысяч футов! Если бы колодец был достаточно широк, чтобы башня в него провалилась...

Сенлин прервал ее, заикаясь:

– Н-невозможно. Колодец бы обрушился, если...

Мария продолжила, лишь чуть-чуть повысив голос:

– Будь он достаточно широк, башня по высоте вошла бы в него?

Он поразмыслил:

– Думаю, это возможно, ведь если в ней шестьдесят уровней, по сто футов каждый...

– Это возможно? – спросила она, коснувшись губами его покрасневшего уха.

– Возможно, – подтвердил он.

И луна мелькала сквозь осины, и вагон покачивался из стороны в сторону, унося их все дальше от знакомых вещей.

Темноволосый юноша склонил голову то ли в знак уважения, то ли в замешательстве, то ли в сочувствии. Шея директора школы так напряглась, что выступили желваки.

– Если вам от этого легче, вы не первый, кто кого-то потерял.

Сенлин принял Адама за местного или, быть может, посетителя, который явился сюда так давно, что в конце концов сделался эмигрантом. Юноша слишком много знал для обычного туриста.

– Я надеялся, что она пройдет здесь. Полагаю, вы не видели женщину в красном шлеме?

– Не очень-то подробное описание.

Ему впервые предложили рассказать о пропавшей жене больше. Все прочие расспросы вызывали только небрежные жесты: взмах рукой, пожатие плечами. Хотя Сенлину сделалось немного не по себе, надежда одержала верх над осторожностью. Он вынудил себя описать Марию.

– Она примерно вашего роста. Стройная, с темно-рыжими волосами и бледной кожей. Красивая.

– Багаж? – спросил Адам, и Сенлин покачал головой. – Примерно вашего возраста?

Сенлин помедлил.

– Моложе.

Маленькая птичка с темным хвостом опустилась на землю между ними и, не обращая внимания на людей, принялась клевать рассыпанные фисташки.

– Чернохвостый скромный чекан, – сказал Сенлин, опознав птицу. Он был рад возможности на миг отвлечься. – Я читал, они решительные птицы. Почти ничего не боятся.

Словно испытывая птаху, Адам придвинул к ней ногу. Чекан дерзко запрыгнул на мысок ботинка, а потом опять соскочил на красный песок. Адам весело фыркнул:

– Любите наблюдать за птицами?

Сенлин покачал головой:

– Я натуралист-любитель. Чернохвостых чеканов до сегодняшнего дня ни разу не видел собственными глазами. – У Сенлина возникло отчетливое впечатление, что молодой человек его разглядывает и в каком-то смысле изучает.

– Полагаю, вы уже посетили наше маленькое Бюро находок, – сказал Адам Борей и, приняв озадаченное выражение лица Сенлина за ответ, объяснил: – Это место, где заблудшие оставляют записки.

Сенлин просиял. Ну конечно! Здесь люди теряли спутников сотнями. Он не первый, кто кого-то ищет на Рынке. Казалось безупречно логичным, что существует место для воссоединения таких людей.

– Вы меня туда отведете?

– Отведу, – сказал Адам. – Но это не поможет.

– Позвольте мне судить. Пожалуйста, – сказал Сенлин, засовывая «Путеводитель» в портфель. – Ведите.

Сенлин следовал за Бореем к основанию огромной башни, и на мгновение в нем вспыхнула надежда. Готовность, с которой Адам ответил на его просьбу, напоминала поведение учеников во время занятий. Может быть, он все-таки не такой уж некомпетентный.

Окаёмка была пустынной, как соляное озеро, плоской, как сковорода, и такой же горячей. Казалось, солнце светило одновременно с неба и с земли.

Когда Сенлин впервые заметил башню из окна трясущегося вагона, с расстояния во множество миль она выглядела как темная царапина на синей линзе небес. Теперь она казалась выступающей частью Земли, чья поверхность устремила вверх под воздействием странно изменившихся законов природы, включая гравитацию. На Рынке случались ночи двух видов: естественные, как и повсюду в мире, и странные сумерки, порожденные тенью башни. Удачно, что они приближались к башне, пока ту еще озаряло солнце, хотя ее густая тень подбиралась все ближе, словно стрелка монструозных солнечных часов. Башенная ночь должна была поглотить их через несколько минут.

Борей подвел его к той стороне ворот, где прилив путников естественным образом ослабевал. Повсюду вдоль изогнутого основания башни у стены кто-то стоял на коленях, прислонялся к ней или прижимался лицом. Они выглядели как пилигримы на молитве в храме. Фасад покрывали объявления и обрывки бумаги – вплоть до высоты, куда Сенлин мог дотянуться рукой. Эти выветренные и выцветшие лохмотья лежали множеством слоев, покрывая огромные гранитные блоки панцирем из папье-маше.

– Разве они не боятся падающих камней? – спросил Сенлин, указывая на людей, читающих объявления.

– Некоторые нужды затмевают страх, – ответил Борей.

И тут до Сенлина дошло, что бесконечная полоса истрепанной бумаги и есть Бюро находок. Он подозревал, что Борей наблюдает за ним, ожидая реакции, и поэтому, даже ощущая ускользающую надежду, расправил плечи и выставил подбородок, словно на уроке.

– Неудивительно, что объявлений так много. Видимо, вся стена ими обклеена?

– Я ее по кругу не обходил, но думаю, так и есть.

– Разумеется. И эти люди, рискуя погибнуть от того, что упадет сверху, ищут записки от потерянных любимых. – Сенлин наклонился к стене и прочитал объявление поновее.

Красивый почерк свидетельствовал, что автор – образованный человек. Объявление гласило: «Роберт, я отправляюсь домой. Приезжай следом. С любовью, миссис К. Проффет». От этой записки он перешел к следующей, написанной менее аккуратно и карандашом: «Моя дорогая Лиззи. Я жду тебя каждый полдень у Совиных ворот. Я под твоим желтым зонтиком. Твой любящий супруг, Абрахам Вейсс». Записка по соседству была лаконична: «Ху Ло, уступаю тебя новой жизни. Меня не ищи. Цзе Ло».

Он читал их одну за другой, поворачиваясь от объявления о разбитом сердце к объявлению надежды, и дальше. Он чувствовал, как зарождается одержимость, желание прочитать еще и еще. Может, вот это написано ее почерком? Или – вон то?

И все же он быстро понял, что может потратить остаток жизни, читая записки, которыми обклеили башню, но так и не найти письмо от Марии. Может, его и не было – или оно было, но оказалось похоронено под чужим отчаянным письмом.

Содержание записок породило более тревожные мысли. Сенлин впервые понял, что их расставание может оказаться не просто неудобством. Он может никогда ее не найти. Он может потерять Марию навсегда, она может пасть жертвой собственной беззащитности, болезни или насилия. Она может стать частью чужой жизни, сделаться женой другого мужчины, моложе... такого, который не потеряет ее столь быстро.

– Бесполезно, – проговорил он.

Полагая, что Сенлин имеет в виду ошеломительную протяженность Бюро находок, Борей сказал:

– Я в досталь насмотрелся на эту стену, до помутнения в глазах.

– Вы кого-то потеряли?

– Мою сестру, Волету.

– Как давно?

– Два года и один месяц.

– Надо же. – Сенлин пошатнулся. Колени у него подогнулись, и он неловко прислонился к стене. – А как же местные власти, магистраты? На Рынке есть полиция?

– Где-то там бродят несколько констеблей. Время от времени можно заметить человека в мундире цвета хаки. Но в половине случаев это никакие не чиновники. Это попросту бандиты, которые воруют или покупают мундиры. Даже с настоящими констеблями надо держать ухо востро. Я знаю многих, кого они избили и ограбили. – Адам потер шею и продемонстрировал круглый шрам на предплечье. Рана была безупречно круглой, словно ее нарисовали циркулем.

– Неужели башней никто не руководит?

– Внутри дела обстоят чуть лучше, а выше – еще лучше. Во многих кольцевых уделах те или иные силы взяли на себя обеспечение законности.

Женщина с синяками под глазами с нависшими веками, изучавшая стену, начала читать что-то поверх головы Сенлина, словно его тут вовсе не было. Ему пришлось проползти мимо нее, чтобы снова встать ровно. Лицо у незнакомки было каменное, словно загипнотизированное. Но жалость к ней быстро переросла в решимость и желание действовать. Надо освобо-

диться от ступора, охватившего его в миг, когда исчезла Мария. Сенлин провел последние дни, бегая по окрестностям без разбора, что было на него не похоже. Он с самого начала не отнесся к ситуации с должной серьезностью, а потом позволил панике руководить собой. Если он хочет найти Марию, надо положиться на здравый смысл, на способность наблюдать и анализировать. Он не так беспомощен, как эта несчастная, что тратит впустую отпущенное время, штудирруя свиток обреченных. Он наделен умом. Отвага придет. Пока что ему следует поразмыслить.

Как могла повести себя Мария, справившись с первоначальным потрясением? Без обратного билета она была вынуждена блуждать по болоту торговцев и воров. Она должна была разыскать более надежное убежище. Она не лишена ресурсов: у нее припрятана в поясе некоторая сумма денег – не слишком много, но достаточно, чтобы на какое-то время обеспечить себе проживание и пропитание. На Рынке нет постоянных гостиниц, и он сомневался, что она могла снять палатку на ночь. Значит, логично предположить, что она отправилась в башню, помня об их предполагаемом маршруте и о том, что они собирались остановиться на третьем уровне, в Купальнях. Они не выбрали конкретный отель, потому что забронировать номер из такого далекого городишки, как Исо, невозможно, однако она должна была без проблем подыскать для себя комнату. Что она сказала перед расставанием? «Встретимся на вершине башни». Разве Купальни не были их вершиной? Разве это не предел их возможностей? Заверения Адама в том, что с законом и порядком там получше, придали этой идее убедительности.

На самом деле он мог сделать лишь одно – отправиться следом за женой и догнать ее.

– Мистер Борей, судя по всему, вы знакомы с Рынком. А насколько хорошо вы знаете кольцевые уделы башни?

– Нижние четыре я как следует изучил.

– Это все, что мне нужно. Вы не хотите поделиться со мной опытом на протяжении одного-двух дней? Я возьму потраченное время.

– Должен признаться, такая работа мне не помешает.

– Можете начать прямо сейчас?

– Одну секундочку, – сказал Борей и развернул ослепительно-белый листок бумаги.

Пока он цеплял записку к стене, Сенлин не удержался и прочитал написанное четкими печатными буквами: «Волета, спасение близко. Адам». Борей заметил его взгляд и ответил с ироничной ухмылкой:

– Такая вот суеверная привычка.

Сенлин попытался скрыть снисхождение в улыбке, но он не мог не думать об увиденном как о потакании слабости, самовнушении, которые Борей принимал за надежду. Сенлин приготовился изречь несколько замечаний о достоинствах прагматизма, но его прервали далекие разноголосые крики. Они разносились словно зараза, превращаясь в хор. Сенлин повернулся вовремя, чтобы увидеть нечто размытое, падающее, большое, как сарай. Оно рухнуло на плотно сбитую землю с ужасающим грохотом.

Глава четвертая

Товарищество между путешественниками становится осязтимее по мере приближения к башне. Не удивляйтесь, если неожиданно для себя окажетесь участниками спонтанного парада.

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, II.XIV

Облако красной пыли нахлынуло так быстро, что они в нем утонули. Сенлин успел прикрыть лицо ладонью за долю секунды до того, как на него посыпались щепки и камешки. Шальной обломок пролетел сквозь растопыренные пальцы и оцарапал щеку. От внезапной боли Сенлин хлопнул себя по лицу. Повсюду со стуком ударялся и отскакивал мусор, кусая кожу и осыпая башню. Земля сотряслась от глухих ударов, как будто рядом падали метеоры.

Когда Сенлин осмелился приоткрыть глаза, он увидел клубящуюся красную пыль, в которой ничего нельзя было разглядеть дальше вытянутой руки. Пыль на пальцах быстро превращалась в грязь. Миг спустя поток мусора сменил курс. Вместо того чтобы лететь сбоку, он сухим дождем посыпался на плечи и головы.

Адам, кашляя и уткнувшись лицом в сгиб локтя, вынырнул из темного облака рядом с Сенлином, сбитый с толку, но не раненый. Сенлин натянул лацкан вельветового пиджака на рот и нос и попытался вдохнуть воздух посреди простирающейся вокруг пыльной завесы. Первоначальные потрясенные крики, ненадолго приглушенные грохотом, зазвучали снова. Их тональность изменилась. Испуг и изумление исчезли, им на смену пришли возбуждение, нетерпение... восторг. Легкий ветерок унес красное облако прочь, открыв место крушения – всего-то на расстоянии брошенного камня от Сенлина и Адама.

Большую часть обломков прикрывали запутавшиеся в них куски шелка, которые вздымались, словно паутина на ветру. По мере того как воздух все больше прояснялся, Сенлин замечал конечности и тела среди руин: вялая кисть, свисающая со сломанного запястья, неестественно согнутое колено вывернутой ноги, похожий на сломанную книгу мужчина с затылком между пятками. Отдельные глухие удары, которые он слышал, были не падающими звездами, но кувыркающимися, обреченными воздухоплавателями.

Больше всего на свете Сенлин любил теплый очаг, согревающий ноги, и хорошую книгу, чтобы погрузиться в нее без остатка. Пока от вечернего шторма дрожали ставни и стакан портвейна грелся в руке, Сенлин читал до поздней ночи. Особенное наслаждение приносили старые истории, эпические сказания, в которых герои выполняли невозможные и благородные миссии, по пути сталкиваясь с опасностями и проявляя фаталистическую отвагу. Часто в дороге люди погибали, их убивали жестоким и противоестественным образом; их пронзали военными машинами, затаптывали лошадьми или расчленили бессердечные враги. Смерти были пафосными и лиричными и всегда, всегда более романтичными, чем на самом деле. Смерть в книге выглядела не точкой. Она была многоточием.

В сцене, что развернулась перед ним, романтика отсутствовала напрочь. Как и многоточия. Трупы лежали на земле, подобные сломанным восклицательным знакам.

Это был воздушный корабль. Изломанные мертвецы – его команда. Кто или что привело к крушению, Сенлин не мог даже предполагать, но он знал совершенно точно: всего лишь несколько минут назад изящная летающая машина порхала в синеве небес.

Пока на него снисходило отвратительное озарение, обитатели Рынка хлынули к обломкам. Дородные торговцы и чопорные солдаты рылись в недрах треснувшего корпуса, переворачивая то, что осталось от ящиков и прочего груза. Хорошо одетые мужчины в вычищенных котелках и женщины в праздничных шляпках не сильно отстали, привлеченные на Окаёмку перспективой получить что-нибудь задарма. Крики, которые слышал Сенлин, были не криками о помощи или скорбными воплями, а заявлениями: «Мое! Я увидел первым! Я схватил раньше!» Они ободрали руины корабля, как крабы очищают кости рыбы, выброшенной на берег. Кто-то убегал, прижимая к груди шелка, нижнюю половину бочонка с зерном, бухту каната, железное ядро, гнутую латунную обезьянку, пару сапог с отворотами. Потом пришли люди с ломами и унесли планки, перила, крышки люков и даже одно чудесным образом сохранившееся витражное окно.

Сенлин не сумел отвернуться, хотя от зрелища мутило. Он был потрясен, увидев такое варварство у подножия Вавилонской башни. Какое безумие! Ему захотелось собрать всех мародеров, усадить рядами, встать перед ними и прочитать лекцию о благовоспитанности. Отчаянные времена никогда не становились лучше, если люди отказывались от идеалов!

Через несколько минут на месте катастрофы остался только кратер, россыпь мелкого мусора и полураздетые трупы команды.

А потом, словно кто-то задернул занавес, скрывая постыдную сцену, надвинулась тень башни.

От полумрака искусственной ночи Сенлин вздрогнул. Он прочистил горло и повернулся к Адаму, чей силуэт слабо виднелся на фоне быстро убегаящей линии солнечного света.

– Кто их похоронит?

Сенлин осторожно потрогал забитую пылью царапину на щеке.

– Стервятники, – мрачно ответил Адам. – Нам пора. Чтобы попасть в Цоколь, требуется время.

Он вытащил кожаный ремень из парусиновых брюк и сделал петлю с пряжкой на конце. Затянул ее вокруг запястья и протянул другой конец Сенлину. Сенлин, хоть и слегка огорченный, взял поводок.

– Держитесь крепко, – сказал юноша. – В проходе немного тесновато.

Сенлин последовал за Адамсом, словно в полусне выгуливая собаку – или, наоборот, словно сонный пес, которого выгуливали. Бросив взгляд через плечо, он увидел, что женщина с кругами под глазами вытащила из кармана платья огарок свечи. Зажгла спичку, поднесла к фитилю и продолжила читать письма потерянных в желтушном свете свечи.

Три месяца назад Сенлин стоял у доски в классной комнате, сжимая ромбовидный кусочек мела, и рисовал последние штрихи в схеме Вавилонской башни.

Школа располагалась в доме без окон, с большими фронтонами, на бетонных сваях, который стоял в конце главной улицы Исо. Каждую весну школу красили в белый, как невесту, и каждый год сырость и ветер с океана медленно ее раздевали. Сенлин любил каждый завиток каждой доски дырявого, полного сквозняков строения.

Он носил длинный черный сюртук и узкие черные брюки, потому что так выглядела его форменная одежда и потому что ему это нравилось. Его голос возносился до высоких голых стропил. На центральной балке виднелись пучки соломы – там свила гнездо птица.

– Толщина стены Вавилонской башни у основания составляет четверть мили, – говорил Сенлин. – Это означает, что вход в башню – всего их восемь – ведет посетителей через каменный коридор длиной четверть мили. – Он повернулся на каблуках так, что квадратные фалды всколыхнулись у бедер, и посмотрел на четыре ряда древних кедровых столов. Его нынешние ученики представляли собой обычное сборище: сидящие с прямыми спинами сонные мальчики и девочки в возрасте от восьми до шестнадцати лет. Он постукал кусочком мела по

виску. – Только представьте себе. Вы идете домой, открываете дверь, а потом вам надо пройти пятьсот шагов, чтобы оказаться в сениях. Это вам не через порог переступить! И даже тогда вы лишь прибудете в первый кольцевой удел башни.

Когда в ответ не последовало удивления, которого, как он думал, заслуживал предмет урока, Сенлин вызвал парнишку в заднем ряду, Колина Уикса. Мальчишка от грез наяву едва не окосел.

– Мистер Уикс, напомните классу, что такое кольцевой удел?

Пробужденный от мечтаний, мистер Уикс дернулся, ударился животом о край стола и тихонько крикнул.

– Уф, – сказал он.

Стулья заскрипели, одноклассники повернулись в его сторону. Деревенская ласточка на стропилах очень некстати издала трель.

– Мисс Стаббс, я полагаю, вы прочитали домашнее задание. Можете прийти на помощь мистеру Уиксу? – спросил Сенлин, поворачиваясь к девочке с остреньким носиком, которая сидела за первой партой с гордым видом корабельной носовой фигуры.

– Да, директор. Уровни башни называются кольцевыми уделами, потому что они похожи на маленькие круглые королевства, – сказала она пронзительным голосом, но с умным видом. – Они похожи на тридцать шесть провинций Ура, каждый уникален в своем роде, но вместо того, чтобы распространяться по карте, кольцевые уделы лежат друг на друге, как слои праздничного торта.

Класс захихикал над ее спонтанной аналогией, удивленный тем, что кто-то мог подумать о Вавилонской башне как о многослойном торте.

– Именно так. А есть ли в Вавилонской башне король? – Сенлин стряхнул мел с ладоней.

– Там есть много монархий, демократий и бюрократий, – сказала она. – Это будто пирог с начинкой. В ней полным-полно всяких экзотических ингредиентов. – Класс снова рассмеялся, и на этот раз Сенлин слегка улыбнулся, что заставило усердную мисс Стаббс покраснеть.

– Очень хорошо, хотя ваши аналогии заставляют меня задуматься, не проголодались ли вы. – Поджав губы, Сенлин проследовал вдоль доски, сплошь исписанной уравнениями и нескладными виршами с исправленными ошибками, к эскизу нижних уровней башни в разрезе: Цоколь, Салон и Купальни. – Конечно, мы не знаем, сколько кольцевых уделов существует в действительности, потому что они не были надежно задокументированы. Постоянные тучи вокруг верхней части делают наблюдения с земли невозможными.

– Почему бы не взлететь на корабле к вершине и не воткнуть туда флаг Исо? – спросил кто-то из среднего ряда.

– Хороший вопрос... – Сенлин вытянул шею, высматривая автора, – мистер Грегор. Но подумайте вот о чем... Я знаю, у вас есть маленькая лодка на веслах. Я видел, как вы курсировали в ней по бухте все выходные. А что случится, если вы подведете лодку к лучшему причалу в гавани? К тому самому, что в центральной части, чуть справа, – широкому, как школьный двор.

– Старый капитан Катберт уронит на нее якорь.

– Почему?

– Это его причал! – воскликнул мальчик, сердито всплеснув руками.

– Именно так. А если бы вы прошли через весь океан Ниро и попали в какой-нибудь экзотический порт, который охраняют форты с пушками и флот военных судов, хорошо бы вас там приняли? Им бы понравилось, что какой-то молодой бродяга вроде вас плавает рядом в своей лодчонке? – На это мистер Грегор улыбнулся, фыркнул и скрестил руки. – Полагаю, мистер Грегор, с башней все то же самое. Вы не можете рассчитывать, что любой порт встретит вас с распростертыми объятиями.

На этом занятия завершились. В прихожей ученики натянули ботинки, беззаботно болтая. Снаружи шел дождь, как это часто бывало весной. Вода бурлила под половицами школьного дома, наполняя класс запахом земли. Его подопечные знали, что не стоит хлопать дверью, уходя, но все равно удалялись шумно. Даже холодный ливень не мог приглушить их облегчение от мысли, что до конца дня они свободны.

Им было невдомек, что и он наслаждался мгновением свободы.

Водя тряпкой по доске, стирая схему, Сенлин воображал себя на палубе воздушного корабля, облетающего башню, с подзорной трубой у глаза...

Он ухмыльнулся. Нет, Осетру ни за что не превратиться в птицу.

Жесткая кожа ремня Адама натерла руку, но Сенлин все равно сжимал поводок так крепко, как только мог.

Проход действительно был длиной в четверть мили, но в остальном ничуть не напоминал фантазии Сенлина. Учитель ожидал гладких поверхностей и аккуратной дороги. Вместо этого перед ним лежал туннель, похожий на шахту. Ни обозначенных полос для продвижения, ни перил. Выходящие из башни толкались с входящими, как бараны на мосту.

Туристы, купцы, жулики и странники пихали его со всех сторон. Ему оттоптали пальцы, ссадили пятки, а локти потеряли чувствительность от тычков. Дым и сажа из редких масляных фонарей на стене обжигали глаза, как черный перец. Он не мог перевести дыхание. Дым тек вдоль железных стропил над ними, словно перевернутая река. Испуганные крики вычуженных животных, упрямые вопли мужчины-погонщика и сбивчивые рыдания молодой женщины, которой стало плохо, усиливались в трубе стен туннеля, пока Сенлин не почувствовал, что вот-вот заорет и побежит.

Но бежать было некуда, и не хватало воздуха, чтобы закричать.

Картина была настолько ужасной и так расходилась с его представлениями о башне, что Сенлин, даже продвигаясь сквозь изнуряющий хаос, убедил себя, что это – аномалия, случайность. Может быть, он попал сюда в разгар ежегодного фестиваля или какое-то механическое устройство, вентилятор либо регулятор температуры, временно не работает из-за поломки. Он подумал, что это может быть вход для слуг.

После двух дней бессонной паники долгий переход и плохой воздух быстро истощили его. Когда давление тел резко ослабло и воздух немного очистился, Сенлин понял, что они наконец-то оказались внутри первого громадного кольцевого удела башни, хотя и не мог ничего разглядеть из-за тумана в глазах. Он вышел, шатаясь, полуслепой от слез в глазах, и рухнул на трясущееся колено на булыжную мостовую. И все-таки он продолжал держаться за поводок из пояса Адама, как альпинист, который, поднявшись на последний пик, не может поверить, что достиг вершины.

Впрочем, конечно, он ее не достиг. Он всего лишь нащупал дорогу к подножию башни. Здесь-то и начался его путь.

Глава пятая

Из колодца башни черпают воду, которая славится бодрящей чистотой. Именно этот безупречный источник придает местному пиву приятный вкус, ставший сенсацией.

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, III. II

Сенлин проснулся в темной комнате от ужасного крика. Испуганный и сбитый с толку, он вскочил с хлипкой койки, на которой лежал без сил. Сосновые доски скрипели и прогибались под ногами, словно на старом пирсе, и воздух вонял гнилью и плесенью. Над ним, в мрачном углу комнаты, внезапно захлопала крыльями тень кровавого цвета. Сенлин вскинул руки, чтобы защититься от пикирующего красного призрака, и хрипло взвизгнул.

Большой попугай спрыгнул с жердочки, приземлился на край сбитой постели Сенлина и снова закричал, слишком пронзительно для маленькой комнаты. Птица взглянула на Сенлина, склонив голову и с любопытством моргая черными с белым ободком глазами.

Единственный свет исходил от масляной лампы с низким пламенем, которое лизало воздух, как кошачий язык. Лампа отбрасывала оранжевые отблески на стены, а те казались такими же тонкими, как покрывающие их заплесневелые обои. В помятую оцинкованную раковину капала вода из примитивного крана. Из прочей мебели был только трехногий табурет, в равной степени способный как сбросить человека на пол, так и не сбросить. Величественная птица, совершенно неуместная в подержанной комнате, крючковатым клювом ковыряла лежащее на койке скомканное коричневое одеяло.

Как долго Сенлин спал? Он не чувствовал себя хорошо отдохнувшим. На самом деле от тошноты изнеможения его желудок все еще скручивался в узел. Кажется, прошло два часа. Или четыре. Невозможно сказать наверняка.

Спустя миг Сенлин вспомнил, как попал в эту комнату.

К тому времени, когда они с Адамом вырвались из окутанной смогом норы и попали в пещеру Цоколя, Сенлин был уже ни на что не годен. Его глаза болели от паров туннеля. Руки и ноги казались неестественно тяжелыми, как будто он упал в воду полностью одетым. Он проголодался и истощился и не мог отдышаться, не подавившись сажей.

Адамс Борей помог ему устроиться в первом попавшемся жилье – и «гостиница» выглядела не намного лучше ряда брезентовых палаток. Никакого вестибюля или коридора. Двери «номеров» выходили на улицу, где толстошей трактирщик сидел на перевернутом ящике, строгал твердую колбаску и бросал кусочки в рот. Запах копченой свинины показался Сенлину роскошным, словно запах ладана, и у него слюнки потекли, как у пса.

Будь Сенлин в лучшей форме, он бы не снимал комнату. Он бы решил, что весь ряд лачуг необходимо сжечь, а пепел – развеять. Но он слишком устал, чтобы спорить, и потому позволил Адаму арендовать комнатку, где можно было поспать несколько часов, пока молодой гид присмотрит за его пожитками. Сенлин растекся по койке, его руки и ноги безвольно свесились по краям. Он слишком выдохся, чтобы заметить попугая на жердочке. Сон его был глубок.

Интересно, а где Адам?

Он включил кран. Трубы содрогнулись, из обмотанного тряпками колена брызнула струйка воды, а потом раковина начала заполняться. Мутная вода слегка отдавала серой, и будь Сенлин бодрей, он бы не погрузил в нее лицо с такой охотой. Омыть царапины на щеке и

руке было приятно, однако, невзирая на сильную жажду, он не смог заставить себя напиться. «Путеводитель» рекомендовал соблюдать осторожность при столкновении с подозрительной сантехникой; немало отпусков было испорчено из-за единственного глотка плохой воды.

Снова выпрямившись, он понял, что намочил лацканы пиджака, а полотенца нет – только тряпка на колышке, слишком маленькая, чтобы вытереть хотя бы мышь. Его вельветовый костюм, порозовевший от пустынной глины, теперь становился красным – вьевшаяся пыль превращалась в грязь. Вспомнив о смене одежды в портфеле, он повернулся, чтобы найти багаж.

Пока он стоял спиной к койке, попугай успел застелить постель. Умная птица снова пронзительно завопила, а затем, грубо имитируя человеческий голос, сказала:

– Пора уходить! Пора уходить!

– Одну минуточку! – растерянно ответил Сенлин. Воротник намок от волос, пока он рыскал по комнате в поисках портфеля.

Ему не потребовалось много времени, чтобы понять: тот исчез вместе с узлом женского шелкового белья. Потянувшись к карманам брюк, он обнаружил, что те вывернуты наизнанку. Мелочь, пенни и полпенни, пропала. Его ограбили. Его бритва и мыло, его дневник, его расческа и щетка для пальто, его льняные перчатки и носовые платки, его жилет, брюки, носки, его «Путеводитель» и билеты, спрятанные внутри. Все пропало.

В панике Сенлин ощупал пояс брюк. Многообещающая пачка банкнот на месте! Он уныло рассмеялся. Как он был умен, настаивая на потайных карманах! Впрочем, разве он и впрямь умен? Его ограбили во второй раз за считанные дни.

– Пора уходить! – грубо повторил попугай. Закончив наводить порядок, он опять запрыгнул на жердочку в углу и начал прихорашиваться.

Сенлин уже взялся за ручку двери, когда увидел книгу в тени под койкой. Упав на четвереньки, он достал ее вместе с прицепившимся комком пыли. Это был его «Популярный путеводитель». К огромному облегчению, билеты на поезд все еще сидели внутри, плотно, как закладка.

У него осталась бо́льшая часть денег и возможность вернуться домой. Весьма неплохо для новоиспеченной жертвы грабителя.

Как он мог так ошибиться в Адаме? Он всегда считал, что хорошо разбирается в людях. Многолетний опыт научил его отличать лжецов и мошенников от просто нервных учеников. Он должен был заподозрить человека, который все еще писал записки в Бюро находок после двух лет тщетных поисков. Борей был неразумным, суеверным и отчаявшимся. Таким людям нельзя доверять, какими бы отзывчивыми они ни казались. Адаму даже не хватило смекалки украсть «Путеводитель»!

Возмущенный новой неудачей, которая лишь сделает его воссоединение с Марией еще более унижительным, и смущенный неправотой своих суждений, Сенлин сунул «Путеводитель» в карман пиджака. Спрятал билеты в потайной карман, вытащил несколько шекелей и вышел из комнаты. С прощальным взвизгом попугай напомнил ему, что время истекло.

Улицы и кварталы Цоколя занимали одну огромную полость. Сенлин предположил, что весь Исо, от школы до отмелей в бухте, с легкостью поместился бы внутри. Трубы, покрытые каплями и испещренные желтым мхом, опоясывали стены огромной комнаты и поднимались к куполообразному потолку, где разбегались во все стороны, точно туннели лабиринта. Медленный дождь из конденсированной влаги падал на плечи, на синевато-серую брусчатку и глиняные черепичные крыши коттеджей. Тысячи улиток – некоторые размером с корову – ползали по водопроводным сооружениям наверху, и их раковины были цвета темного неотполированного нефрита. Следы гигантских существ блестели, словно трещины в стекле.

Хоть зрелище и выглядело странным, Сенлина в первую очередь покорили не сам город в бутылке и не до нелепости огромные улитки, а громадная железная карусель, которая вертелась посреди публичной галереи. Его привлек туда запах шиш-кебаба. Он купил два вертела с кусочками мяса и, расплачиваясь, по привычке спросил продавца, не видел ли тот недавно женщину в красном шлеме. От его вопроса небрежно отмахнулись, словно слышали такое уже сотни раз за последние дни. Козлятина на вкус была хороша, но, наверное, голод делал ее лучше, чем в действительности.

Жуя, Сенлин наблюдал за десятками взрослых мужчин, которые катались на черной карусели. Они выглядели такими же веселыми, как его ученики, когда их отпускали с последнего урока.

Карусель гремела, кружилась и рокотала, сотрясая землю. Она казалась древней, словно мельничный жернов. Двенадцать табуреток приварили к железному колесу, и под каждой имелись педали, как будто снятые с велосипеда. Если один ездок начинал крутить их медленнее, другие раздражались подбадривающими криками и насмешками, вынуждая его вновь ускориться. Работая вместе, они двигали карусель, хотя ее медленное и тяжелое вращение не очень-то соответствовало неистовым усилиям ездоков. Это казалось странным времяпрепровождением для взрослых мужчин, пока Сенлин не увидел, как на коническом выступе в центре карусели пробудился фонтан. Вода каскадом заструилась по склону конуса к желобу, расположенному на уровне подбородка сидящих мужчин, и вспенилась в нем. От желоба ко ртам тянулись трубочки цвета слоновой кости, и ездоки принялись пить из этих закрепленных соломинок с большим удовольствием, не переставая крутить педали.

Сенлин слизал с губ жир от козлятины. Он не мог вспомнить, когда в последний раз так хотел пить.

И стоило подумать о том, что он достаточно отчаялся и готов погнаться за каруселью, попытаться запрыгнуть туда, где вертится фонтан, как вся машина содрогнулась от громкого и тяжелого удара и остановилась. Мужчины на ней едва успели нетерпеливо вскрикнуть, как весь диск завращался в обратную сторону. Он вертелся так быстро, что сгорбленные спины ездоков слились в размытую полосу. Желоба выплеснули наружу косой дождь. Некоторые зрители бросились врассыпную, чтобы не промокнуть, в то время как другие открыли рты, пытаясь поймать хоть что-то из расплесканного фонтаном. Всплеск жидкости угодил и в лицо Сенлину. Он попробовал едкую влагу, стекающую по щекам. Это была не вода. Это было пиво.

Внезапно один ездок потерял хватку, и его вышвырнуло с сиденья. Он сперва взлетел, а потом покатился по каменным плитам, которыми вымостили галерею. Проходившему мимо туристу пришлось отпрыгнуть, чтобы его не сбило с ног. Карусель, похоже, истощила накопленную энергию вращения и с щелчком замерла, словно часы, в которых кончился завод. Оставшиеся одиннадцать ездоков неуверенно сошли с нее. Они двинулись прочь на подгибающихся ногах, шатаясь, и их места вскоре заняли другие.

Охваченный сопереживанием, Сенлин бросился к упавшему ездоку. Еще не перевернув несчастного, по изодранному воротнику и вони он понял, что это нищий. Сенлин перевернул его на спину, глаза мужчины были закрыты; челюсть безвольно свисала, демонстрируя большей частью беззубый рот. Не убило ли его падение?

Но глаза мужчины резко открылись, и он испустил в лицо Сенлина вздох, вонючий, словно плевательница. Он не умер, просто был пьян. Вздох перешел в громкий гогот. Он схватился за пиджак Сенлина, чтобы встать, но сумел лишь оторвать лацкан целиком. Они оба уставились на обрывок вельвета, который нищий держал в кулаке. Пьянчуга безуспешно попытался приделать лацкан назад.

Сенлин с внезапной ясностью понял, что он не в состоянии спасти этого человека или, если уж на то пошло, кого-то еще. Стой они бок о бок на улице, вряд ли кто-то отличил бы их друг от друга. Всего лишь три дня после поезда, а он уже выглядит как попрошайка.

Его жена пропала. Надо взять себя в руки. Он же директор школы, в конце концов.

Под улитками и водопроводом раскинулся город трактиров, магазинов, ночлежек и коттеджей. Их неровные и рябые стены в большинстве своем были саманные, глинобитные или из рассыпающегося черного цемента. Газовые лампы погружали город в тусклые сумерки. Толпы были не такие многолюдные, как на Рынке снаружи, но такие же пестрые. Вот прошла женщина в платье с оборками, повиснув на руке хорошо одетого джентльмена, и оба благоухали ароматической смесью и воском для укладки волос. Через секунду мимо уже ковылял пилигрим в лохмотьях неопределенного цвета, воняя, словно торговец рыбой в августе. Сенлин что угодно отдал бы за славный очищающий морской бриз! Тут и там надежные сооружения высились как деревья среди камышей. Красные кирпичные фасады магазинов и гильдейских домов придавали улицам некое подобие респектабельности; в остальном архитектура выглядела довольно жалко.

Сенлин не мог не разочароваться: он ожидал увидеть блистающий центр культуры, а не это. Цоколь, при всей своей тусклости, выглядел портовым городом, куда моряки приходили, чтобы вспомнить, как шагать по твердой земле. Чего стоят только вездесущие пивные фонтаны! Ему попало еще шесть после того, первого. «Популярный путеводитель» описывал атмосферу Цоколя слегка туманно, представляя этот уровень башни в виде чего-то вроде дружелюбного преддверия более привлекательных достопримечательностей наверху, но даже это оказалось преувеличением. Сенлин утешался, думая о Цоколе как о сенях башни. Здесь полагось сбить грязь с ботинок, прежде чем войти в священные залы этажом выше.

Вдали, поднимаясь в точности из центра Цоколя, от улиц к куполу потолка тянулась белая колонна. Мраморный шпиль напоминал маяк – не только ввиду внушительных размеров, но и по ощущению надежности, которое внушала конструкция. Это был первый элемент архитектуры, казавшийся достаточно грандиозным. Даже улитки его не тронули. Он узнал колонну из описания в «Путеводителе»; это – лестница на второй уровень Вавилонской башни.

У Марии куда лучше получалось походя справляться с недостатками мира, поэтому она была неукротима и ее мало что могло разочаровать. Наверное, она нашла громадных улиток и пьяные карусели очаровательными.

Сенлин мельком увидел свое отражение в витрине магазина. Его обычно тщательно причесанные волосы теперь торчали во все стороны, как размочалившийся канат; его костюм выглядел кухонной тряпкой с карманами. Уж его-то Мария вряд ли нашла бы очаровательным.

Ничего не поделаешь. Нужен новый костюм.

Через полчаса Сенлин в примерочной портновской лавки рассматривал себя в настенном зеркале, одетый во все новое. Он выбрал костюм, который показался практичным, хотя на самом деле тот очень смахивал на униформу директора школы: сюртук длиной до бедер, с квадратными фалдами, подходящий черный жилет и брюки, белая рубашка с воротничком и черные ботинки с квадратными мысками. Переложив в карман достаточно денег, чтобы заплатить за новую одежду и все, что может понадобиться в течение дня, Сенлин спрятал оставшееся в ботинках. Он был уверен, что даже самые ловкие карманники не смогут туда забраться. Испорченную одежду он аккуратно сложил в примерочной и оставил там.

Он слегка удивился, когда в лавку – где до сих пор не было ни души, кроме пожилого портного в очках, – вошел человек. Вновь прибывший был очень маленького – карликового – роста, с крючковатым носом и спутанной копной черных волос. Судя по золотой вышивке на жилете, делец. Кем бы ни был коротышка, он оказался довольно оживленным болтуном. Они с портным спорили из-за пакета одежды. Не желая прерывать их торг, Сенлин разглядывал носовые платки. Ему понадобятся по меньшей мере три.

– Но я не продаю дамам, – решительно заявил клерк.

– Подумайте об этом как о возможности расширить рынок. Я же не какие-нибудь лохмотья принес. Это качественный шелк! – Косматому коротышке пришлось как следует дернуть, чтобы вытащить из свертка предмет одежды. Он взмахнул им, словно флагом. – Видите, даже не мнется.

– Прошу прощения, – резко бросил портной и повернулся к Сенлину, который выбрал три белых, практичных носовых платка.

Они прошли к прилавку, где стояла кассовая машина с латунными краями. Сенлин заплатил за костюм, ботинки и носовые платки. Все это время коротышка наблюдал за обменом деньгами, как кошка – за птицей.

– Смотрите, – опять затараторил он, – шелка столь крепкие, что можно взять эту кофту, зашить концы, наполнить газом и поднять баржу!

Закрыв ящик кассы так резко, что звякнул колокольчик, портной снял очки и принялся энергично протирать линзы.

– Баржевых капитанов я тоже не обслуживаю.

Коротышка поцокал языком:

– Эх, нравятся мне люди с чувством юмора.

Только когда Сенлин повернулся, чтобы уйти, он увидел портфель, свисающий с плеча торговца. Эти строчки нельзя было ни с чем перепутать. Это был его портфель.

Возможно, Сенлин вдохновился новым костюмом и свежей рубашкой, которая приятно терла запястья и шею, или, быть может, низенький рост торговца напомнил ему об учениках и придал ощущение власти. Или все дело в том, что совсем недавно Адам предал его доверие, а потом обокрал? Как бы там ни было, Сенлин почувствовал прилив уверенности, граничащий с опрометчивостью. Он не позволит воровству остаться безнаказанным! Он поступит вопреки своей обычной сдержанности и примет меры. Но вдруг противник вооружен? Сенлин решил, что самый безопасный путь – застичь воришку-карлика врасплох.

Сенлин встал, прижавшись спиной к фасаду магазина у двери; он застанет вора совершенно неподготовленным, едва тот выйдет на улицу. Сенлин почувствовал, как от доселе неизвестного трепета предвкушения его бросает в жар. Дверь магазина открылась, и вышел вор, Сенлин схватил его за шиворот и оторвал от земли.

– Ха-ха, я тебя поймал! – с триумфом вскричал Сенлин.

Но от триумфа не осталось и следа, когда ему проворно врезали пяткой в пах.

Глава шестая

Носовой платок – универсальный инструмент опытного путешественника. Он может стать средством дезинфекции, покрытием для стула, пылевой маской, гарротой, бинтом, кляпом или белым флагом. Можно чувствовать себя хорошо подготовленным, имея в кармане этот скромный матерчатый квадратик.

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, Приложение, I.IV

Помолвка с Марией была недолгой. Прошло две недели после того, как Сенлин преклонил колено в зарослях клевера и взял Марию за белую, словно мука, руку – и они поженились.

Жители Исо знали лишь одну причину для такой поспешной свадьбы.

Скандал разразился невероятный. Не потому, что это было необычно – многие женщины мчались к алтарю, спеша предъявить свадебную фигуру, прежде чем та сделается материнской. Скорее, это было невообразимо из-за главного действующего лица. Они с трудом верили, что Осетр способен на такое. Матросы, капитаны и торговцы рыбой сочли это великолепным достижением, по крайней мере для Сенлина. Городские дамы посчитали его не таким уж великолепным, они почувствовали себя в некотором смысле ограбленными; им нравились настоящие публичные ухаживания, а здесь обошлось без таковых. Дети считали брак своего учителя природной аномалией, вроде молнии зимой или двуглавой змеи. Правдоподобно, но маловероятно.

Нельзя сказать, что их директор школы – ненормальный. Просто он был слишком уж чопорным и сдержанным – и эти черты, казалось, соответствовали профессии. Горожане любили Сенлина, потому что его ученики – их дети – обычно вырастали трудолюбивыми работниками и стойками.

Но все-таки он был с причудами.

Мария работала в «Универсальном магазине Беркс». Она раскладывала на полках товары и выдавала их в кредит так неторопливо, словно разматывала рыболовную леску, что вызывало терпеливое негодование мисс Оливет Беркс. «Наши клиенты – не рыбы, – однажды заметила мисс Беркс. – Чем длиннее кредитная линия, тем дольше ждать улова».

Мисс Оливет Беркс, добродушная, никем не отвергнутая старая дева, была второй, старшей кузиной Марии. Они жили в комнатах над магазином, редко ругались и часто навещали паб «Синяя татуировка». Оливет Беркс была там завсегдатаем, потому как любила сплетни и сливовый бренди, а Мария ее сопровождала, потому что в пабе на то время имелось единственное пианино в городе.

Мария барабанила по черно-желтым клавишам инструмента четыре-пять вечеров каждую неделю. Она играла и пела одну популярную песню за другой – сильным и странным голосом, словно птица-пересмешник. Это считалось лучшим развлечением в округе.

Мария была очаровательна с мужчинами и откровенна с женщинами. Все ее обожали. Но какие бы нежные чувства ни питал город к Марии, никто не распознал ее тайный роман с Сенлином, хотя тот, как все считали, продолжался уже несколько месяцев. Даже Оливет ни о чем не подозревала.

Мария наконец-то рассказала Оливет о помолвке, когда они делили пятидесятифунтовый мешок риса на мешочки по одному фунту. Мария взвешивала и рассыпала рис, а Оливет зашивала мешочки.

– Но почему он? Почему сейчас? У тебя какие-то проблемы? Зачем такая спешка? Почему бы не подождать до следующей зимы? Говорят, зимние браки надежнее.

– Он попросил меня выйти за него, я его люблю, и он подарил мне замечательный подарок. – Мария посмотрела на мерную ложку, которой черпала рис, и уголки ее губ приподнялись в непостижимой улыбке.

Оливет откусила нитку зубами и поморщилась:

– О, не надо ходить вокруг да около, называя это «подарком», Мария. Люди подумают, что ты такая же наивная, как он.

Сенлин уронил, но не отпустил рвущегося на свободу вора. Боль пронзила его, как трещина пронзает стекло, распространяясь и разветвляясь по ногам и вдоль позвоночника.

Было ошибкой вступать в драку. Он никогда не дрался, никогда не поднимал руку на учеников. Он избегал потасовок в пабе и поддерживал порядок в классной комнате исключительно благодаря своему суровому нраву. Потребовался карлик, pinaющийся как мул, чтобы преподать Сенлину урок: самообладание не защитит его в кольцевых уделах башни.

Преодолевая желание свернуться клубочком от боли, полыхающей внизу живота, Сенлин спросил:

– Откуда у вас мой багаж?

– Ваш багаж? Я купил этот портфель два часа назад, – сказал вор на удивление звучным голосом с певучим акцентом, незнакомым Сенлину. – Я дал парню за него четыре шекеля.

– Где он сейчас?

– Ушел за ветром, насколько я знаю. Отпустите меня! – Его воротник вырывался из руки Сенлина.

Сенлин сорвал свой портфель с плеча карлика и отпустил его. Застежки болтались. Внутри было пусто. Далеко наверху участок трубы задрезбезджал и изверг короткий душ. Дождь пригасил их пыл.

– Как ваше имя?

– Финн Голл.

– Мистер Фингол, где мои вещи?

– Меня зовут Финн Голл. – Карлик произнес имя более четко. – А вещи, если они ваши, проданы. – Он помахал узлом женских шелковых принадлежностей. – Разве что вы и это хотите забрать?

– Да, благодарю вас. – Сенлин схватил узел. По правде говоря, тряпки были ему не нужны, он про них и забыл уже. От разочарования он занервничал. – Здесь что, все воры?

Голл с некоторым возмущением поправил рубашку и пригладил фиолетовый жилет, приведя себя в порядок.

– Сэр, я не вор. Не больше вашего – а вы-то меня только что ограбили.

– Меня зовут Томас Сенлин. И какие инициалы мы найдем на внутренней стороне портфеля? – Сенлин продемонстрировал Голлу вензель на краю.

– Вот так угораздило! – Охваченный жалостью к себе, Голл запустил руку в черные космы, взлохматив их еще сильнее. Похоже, коротышка любил драматизировать. – Забирай все, Том. Просто забирай! Честное слово, я ошибся. Мне стоило догадаться, что парень нечист на руку. Страусам нельзя доверять!

– Страусам?

– Страусам, страусам!¹ – повторил карлик, словно желая, чтобы Сенлин лучше запомнил. – Тем, кого вышвырнули из Салона. Изгнали, подвергли остракизму, выкинули обратно

¹ Непереводаемая игра слов, основанная на созвучии слов ostrich (страус) и ostracize (подвергнуть остракизму). – *Здесь и далее примеч. перев.*

в Цоколь. Им ставят клеймо на руку, чтобы снова не пробрались туда. – Сенлин вспомнил круглый шрам на предплечье Адамаса. – Если они все-таки это делают и их ловят во второй раз, – продолжил Голл и сделал такой жест, словно хотел вытащить глаз из орбиты, – лишают глаза. Тем, кто возвращается в третий раз... – он поцокал языком, – вырывают и второй глаз. Если увидишь кого-то без глаз – значит он плохо учился. Тот мерзавец, что ограбил тебя, скоро будет бродить по окрестностям с палкой и миской для подаяния.

– Мне не верится, что здесь обитают варвары, способные вырывать у людей глаза. – Сенлин хотел пренебрежительно хохотнуть, но закашлялся – пересохшее горло горело.

– Послушай, если мы собираемся спорить, давай поищем выпивку, пока кто-то из нас не задохнулся, – сказал Финн Голл.

Вскоре Сенлин оказался на бугристом сиденье того, что Финн Голл называл «пивной каруселью» или «пивоселью». Это была копия работающего на мускульной силе фонтана, за которым он наблюдал ранее, вплоть до желтовато-белых соломинок и педалей с накладками. Согласно Голлу, в Цоколе работали десятки таких «пивоселей», равномерно распределенных. Сенлин никогда не любил пиво, и лишь настойчивость Голла убедила его, что этот напиток чище и безопаснее, чем вода из водопровода. Пивные были многочисленными и заурядными, как фонарные столбы, и у всех, похоже, дела шли неплохо – но «пивосели» обладали заметным преимуществом, поскольку были бесплатными для тех, кто не возражал немного поработать.

Если бы завсегдатаи «Синей татуировки», которые считали метлу в уголке более жизнерадостной, чем директор школы, увидели, как Сенлин занимает место на механическом пивном фонтане посреди общественной площади, они бы принялись тереть глаза, хлопать себя по щекам и заказывать по три устрицы, чтобы протрезветь.

Оставшиеся десять тронутых ржавчиной сидений заполнились быстро, и началась работа. Уложив узел с женским бельем на колени так, чтобы он не упал, Сенлин схватился за изогнутый край пустого желоба и принялся крутить педали. Голл стоял на педалях, потому что маленький рост не позволял ему крутить их сидя. Он двигался рывками, и это казалось Сенлину неуклюжим, но Голлу было вполне удобно.

Они как будто пытались въехать на велосипеде вверх по склону в грязи, и лишь через несколько секунд их напряженные усилия позволили с трудом привести огромное колесо в движение.

– Почему шестерни такие упрямые? – пожаловался Сенлин. – Такого усердия даже бармен к бочонку не применяет!

Он пыхтел от натуги, и от этого горло еще сильнее пересохло.

– Ты что, инженер? Какая разница! Это же бесплатное пиво, – громко сказал Голл, и другие ездоки встретили его слова радостными возгласами.

Человек справа от Голла был в кожаном фартуке с грязными отпечатками лошадиных подков. Он заорал на них, словно бригадир, чтобы крутили живей. В раструбе фонтана забулькала.

Взгляд Сенлина упал на медную табличку, позеленевшую от времени и постоянной влаги, прикрученную к коническому водосбору перед ним. Он громко прочитал написанное на табличке:

– «Двенадцатиместный мускульный насос Сфинкса».

– А, так ты грамотный, – сказал Голл.

Его темные волосы намокли от пота и липли ко лбу.

– Конечно. Я же директор школы, – ответил Сенлин с непроизвольной гордостью. Когда Голл спросил, какие предметы он преподает, Сенлин едва не засиял. – Письмо, искусство, географию, физику...

– Математику?

– Ну а как бы я мог преподавать физику без математики?

Цепное колесо под ним задребезжало. На миг Сенлин подумал, что цепь сейчас слетит, но она снова встала на место.

– Уверен, ты должен вести записи. Оценки, посещаемость, школьные налоги и сборы, правильно? Может, иной раз приходится подыскивать домик для шекеля, который плохо лежит. – Голл отпустил желоб ненадолго и жестом заговорщика похлопал себя по карманам жилета.

Сенлин собирался возмутиться и сказать что-то добродетельное, когда из фонтана хлынула пена, словно лава из вулкана, и по конусу потекло пиво, с плеском заполняя желоба. Ездоки вытянули шею, напрягаясь, чтобы схватиться губами за желтовато-белую соломинку. Прохладное пиво коснулось саднящего горла Сенлина, словно бархат. Он никогда не пил ничего слаще. Краем глаза он видел Голла, который встал на колени на сиденье – педали он бросил, но те продолжали крутиться – и пил из соломинки, ухватив ее углом рта и ухмыляясь Сенлину. Кузнец с отпечатками подков на фартуке рывкнул на Голла, чтобы тот снова крутил педали. Голл вскинул руку в непристойном жесте, который Сенлин знал, но никогда не применял. Может, Голл и был ростом в половину Сенлина, но силы духа у него в два раза больше.

К тому времени, когда Сенлин оторвался от соломинки, хватая воздух ртом, его голова слегка закружилась от алкоголя.

Снова закрутив педали, Голл наблюдал за Сенлином почти безмятежно, как человек, который придерживает в уме шутку.

– Да ты талант. Тебе надо поучаствовать в вечерних гонках. Вот где голова идет кругом.

– Я не могу. Я спешу. Мне надо кое-кого найти.

– О, грязь-шмазь. – Голл, похоже, выругался, хотя Сенлин не был знаком с таким выражением. – Опять эта старая, грустная песня! Дай угадаю: ты потерял кого-то, кто страсть как дорог твоему сердцу. Тобой движет чистейшая преданность этому человеку. Ты не остановишься ни перед чем, чтобы найти мать-брата-тетю-ребенка-или-подружку, и я не хочу знать, кто...

– Она моя жена. Мария Сенлин. Она носила красный шлем.

Голл сжал руку в кулак и бил по краю желоба, пока тот не зазвенел.

– И зачем я трачу слова? – Он утешился, надолго присосавшись к соломинке.

Сенлин улыбнулся театральному поведению карлика. Когда Голлу понадобилось перевести дух, он сказал:

– Никому не говори, что ищешь жену.

– Тогда как я смогу ее найти? – спросил Сенлин недоверчиво, почти снисходительно. Он плотнул из собственной соломинки, продолжая крутить педали.

– Пустив в ход глаза, соображалку и без посторонней помощи. Скорее всего, ты ее вообще не найдешь. Женщин засасывает в башню, как угли в дымоход. – Он похлопал по желобу и хрипло присвистнул. – Что угодно взлетит, если оно в юбке! Ты рассказал парню, который тебя ограбил, о своей дорогой старушке?

– Да.

– И как прошло? Держу пари, он говорил добрые слова, обнадеживающие слова. Убаюкал тебя, словно младенца. Ты заснул, и тогда он тебя ограбил. – Голл затряс головой так, что с его темных волос полетели капли пота. – Ни одна живая душа не поможет тебе здесь. Добрым душам не хватит на это средств или ума, а злые попросту выдоят тебя досуха. Тебе продадут слухи, карты, путеводители и всякое такое, чтобы рыбу заворачивать, а не жен искать! Тебе так помогут, что ни шекеля не останется. Это если ты уже не обеднел, как ход... – И карлик рыгнул.

– Допустим, – уклончиво сказал Сенлин. Пусть Голл и выглядел сомнительно, его предупреждения звучали разумно. Чтобы путешествовать по башне, понадобится нечто большее, чем путеводитель и носовой платок. – А что такое «ход»?

– Не сомневаюсь, ты их видел. Лысые, худые как щепки, голые по пояс бедолаги с железными украшениями. Рабы. Ходы – это рабы. Они таскают мешки с песком, углем и камнями – вверх, вверх, вверх! Строительство продолжается. Башня еще с нами не покончила. А, грязь-шмазь, я болтаю, словно какой-нибудь мистик!

Пару минут назад Сенлин чувствовал свое превосходство над этим неотесанным, беспринципным человеком. Теперь он подумал, что было бы полезно заручиться поддержкой карлика.

– Послушайте, мистер Голл, я приношу свои извинения за то, как обращался с вами ранее. И я ценю услышанное. Может, вы поразмыслите о том, чтобы поработать на меня в качестве гида...

– Зачем я трачу слова? – перебил карлик, вскинув руки. – Может, ты их и ценишь, но не слышишь. Тебе никто не поможет. Ты должен все сделать сам.

Внезапно педали у них под ногами перестали вращаться. Остановка была такой резкой, что по ногам Сенлина прошла волна, и коленные чашечки болезненно щелкнули. Он ахнул, стиснув зубы. Оглядевшись, Сенлин понял, что случившееся не только его застало врасплох. Они достигли незримой вершины, для подъема на которую крутили педали. «Пивная карусель» подошла к пределу могучей внутренней пружины, которая лежала в центре большого колеса, свернутая ту же гадюки перед лицом угрозы.

Включился новый механизм, звякнув точно колокол под водой, и педали под ногами потеряли всякое сопротивление. Финн Голл завопил и крикнул: «Держись!» – но его слова затерялись в стремительном полете «пивосели», когда сжатая пружина начала раскручиваться. Теперь вся конструкция вращалась против часовой стрелки, все быстрее и быстрее, и Сенлин почувствовал себя так, словно несется камнем вниз по склону той самой горы, которую только что покорил. Площадь превратилась в размытое пятно мокрого камня и мигающих газовых фонарей; лица людей в толпе растянулись, как ириски. Сенлин сосредоточил взгляд на неподвижной вершине конуса в центре колеса и прижался к желобу, пусть даже тот обдал лицо волной пива.

В этот миг тошноты и дезориентации он вспомнил слова Марии о том, каково было играть на пианино в «Синей татуировке». Она сказала: «Я играю, и мы поем, пока комната не завертится. Приятно находиться в центре веселого маленького круга».

«Но, моя дорогая, – ответил он, ошибочно приняв это за подходящее время для урока геометрии, – центр круга – это бесконечно малая точка. Его вообще почти не существует».

«Ну и хорошо. Я предпочитаю быть ничем в центре, чем надутым кем-то на краю». Она сказала это обычным небрежным тоном. И, сама того не зная, в точности описала его: надутый «кто-то» на краю всего.

Узел женского нижнего белья, который лежал у него на коленях, развязался. Чулки, панталоны и кофточка полетели в толпу на площади, приземляясь тут и там, как голуби в парке.

Глава седьмая

Вновь прибывшим может показаться, что кольцевые уделы башни похожи на слои торта и каждый следующий неотличим от предыдущего. Но это не так. Совсем не так. Каждый кольцевой удел уникален и изумителен. У кольцевых уделов башни есть лишь две общие черты: приблизительно круглые очертания наружных стен и возмутительно высокая цена на говядину. Остальное – своеобычное.

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, I.X

Сенлин промокнул шею влажным платком. Два охранника в запачканных сажей красных мундирах с рваными золотыми эполетами стояли у подножия мраморной колонны. У них за спиной стеклянная дверь в колонне излучала притягательный золотой свет.

Охранники выглядели подозрительно потрепанными. Ножны на бедрах не соответствовали друг другу, чего можно было ожидать от стандартного оружия, и они, похоже, не совсем отвечали рукояткам сабель, которые из них торчали. Пуговицы мундира одного охранника натянулись на животе, а манжеты брюк другого морщинились внизу, как будто штанины были слишком длинными. Сенлин решил, что они мошенники, опасные оппортунисты вроде тех, о ком предупреждал Адам, какая бы ирония в этом ни звучала.

Но другого пути в Салон не было. Если Мария продолжила их маршрут, она прошла здесь...

Что еще она могла делать, кроме как продолжать? Что еще он мог делать, кроме как предполагать?

Он потерял след Финна Голла после того, как слез с «пивной карусели». Мир вертелся перед глазами. Сенлин прошел, шатаясь, через толпу, которую отвлекло разлетевшееся во все стороны нижнее белье. Он завернул в первый же переулок, где его настигла ужасная, неистовая рвота. Едва желудок и голова достаточно очистились, он вышел из переулочка и разыскал водопроводную колонку с ручным насосом. Намочил платок и попытался привести себя в чувство.

Когда к нему вернулась способность держаться на ногах достаточно твердо, он, чувствуя себя немного подавленным, пустился в путь к белой колонне. Он держался за портфель, как потерпевший кораблекрушение в открытом море держится за кусок доски. Он не мог допустить, чтобы его снова ограбили.

Самозванные привратники в это время изводили нищего монаха в сером одеянии. Вздвигавший старый монах пытался проповедовать стражам, твердя: «башня должна быть спасена! Она больна от корня. Мы гниль! С нею надо покончить, прежде чем человеческая зараза распространится до облаков и звезд!» В его голосе звучали пронзительные нотки безумия. Сенлин немного читал о мистиках, исповедовавших божественность башни, хотя в книгах писали, что орден почти вымер.

Более крупный охранник, чья темная борода разрослась до самых глаз, уперся сапогом во впалую грудь монаха и опрокинул его на спину:

– Прочь с дороги, чокнутый, пока я тебе уши не открутил.

Этого оказалось достаточно, чтобы лишить мистика силы духа, и он побрел прочь, что-то бормоча и потирая ушибиленный зад.

Не успел Сенлин подойти, как его обогнал энергично раскачивающийся жесткий кринолин. Турнюр крепился к молодой женщине с зарумянившимися щеками и бойкими светлыми

локонами. Она была достаточно хороша собой, но казалась холодной и самодовольной. Завидев ее, самозванцы отступили от двери, поклонившись и шаркнув ногой с сомнительной грацией. Сенлин вспомнил слова Финна Голла: «Что угодно взлетит, если оно в юбке!»

Вскоре после того, как симпатичная барышня прошла через тепло светящиеся стеклянные двери, Сенлин предпринял, как он надеялся, уверенную и решительную попытку пройти между охранниками, задрав нос, как лорд. Но стоило ему приблизиться, просвет закрылся, и в конце концов он вынужден был остановиться и обратить внимание на самозванцев, которые мешали пройти.

– Не так быстро, мистер Голенастый, – сухо проговорил крупный охранник. – Чтобы без проблем попасть в Салон, надо заплатить таксу в два шекеля.

Сенлин ответил самым здравомыслящим тоном:

– Я заметил, что дама впереди меня ничего не платила. По-моему, вряд ли можно считать справедливым, что ради нее делают исключение, в то время как я... – Доводам Сенлина был положен конец: охранник помельче ткнул его кулаком в живот. Сенлин сложился пополам, и за первым быстрым ударом последовал второй.

Он наивно полагал, что откровенные головорезы окажутся восприимчивы к доводам рассудка. Ничего не оставалось, как выучить урок, заплатить два шекеля и продолжить путь.

– Чтобы без проблем проследовать в Салон, надо заплатить таксу в четыре шекеля, – сказал крупный охранник, мрачный как машина.

Второй жадно улыбнулся Сенлину, надеясь на новый протест.

Сенлин выпрямился и сунул руку в карман. В тот миг он был готов опустошить ботинки, будь это необходимо, чтобы покинуть сырой, пропитанный пивом и насилием нижний этаж. Над ним простиралась вся башня, а он застрял в сенях, увяз в нечистотах с ворами и попрошайками. Ну в самом деле грязь-шмазь.

Стеклянные двери колонны открывались в коридор с ковровым покрытием, который спиралью уходил вверх. Это напоминало переход из ночи в день. Чистый и пустой проход ограждали латунные перила и хорошо освещали мигающие газовые лампы. Похоже на лестницу в оперном театре, который Сенлин однажды посетил еще студентом. В сладко пахнущем воздухе откуда-то доносился глубокий, размеренный гул, – словом, здесь было уютно, как в материнской утробе.

Через несколько минут подъема по ковровой спирали Сенлин услышал шум приближающейся толпы. Обогнув излучину, он внезапно оказался в хвосте очереди путешественников, которая медленно продвигалась. Они были лучше и чище одеты, чем большинство людей, с которыми он столкнулся внизу и снаружи. Он обрадовался, что ему хватило здравомыслия купить новый костюм.

Он отметил, что женщины в кринолине нигде не видно, и озвучил это наблюдение мужчине, стоявшему впереди в очереди. Мужчина, от природы общительный, не промедлил с ответом: ей позволили пройти вперед.

– По-видимому, – объяснил мужчина, – имеется нехватка женщин для запланированной пьесы.

Сенлин не совсем понял, что к чему, но решил притвориться, будто понял; ни к чему демонстрировать свое невежество.

Новый знакомец Сенлина был одет в строгий костюм-тройку темно-синего цвета. Тонкие усики – хорошо ухожены и навощены. Окажись он на улицах Исо, его бы признали записным модником. Он представился как мистер Эдсел Пининг. Сенлин принял его за мелкого аристократа.

Пининг спросил, первый ли это визит Сенлина в Салон. Попытавшись ответить, Сенлин сглотнул невпопад, и слова прозвучали тихо и невнятно. Он всегда делался особенно неловким

в светском обществе. Умение аристократов беззаботно общаться лишь выбивало Сенлина из колеи: их уверенность в себе подрывала его собственную.

– Я спрашиваю только потому, что вы выглядите слишком невозмутимым, – добродушно сказал Пининг. – Как будто вас ничто не тревожит. И тут я, такой взволнованный, что хочется бегать по стенам. – Он наклонился вперед, сцепив руки за спиной.

– Я думал, новички нервничают сильнее, чем ветераны, – сказал Сенлин, вновь обретая дар речи.

– Нисколько. Вы понятия не имеете, что вас ожидает. Для вас это просто слово: Салон. Параграф в путеводителе. Точка на карте. Но стоит один раз посетить Салон, и всю оставшуюся жизнь будете планировать возвращение. – Пининг провел рукой по смазанным маслом темным волосам на виске. Сенлин предположил, что они с Пинингом примерно одного возраста, хотя их зрелость и выражалась по-разному. – Взгляните на меня. Я витаю в облаках! Мне такое не свойственно. Дома я неучтивый, угрюмый инвалид. Я бухгалтер. У меня на пальцах мозоли от костяшек на счетах и пера. Нет, вы не представляете себе, как Салон вас преобразует или позволяет преобразиться самим. Это мой четвертый визит.

Разговор, сердечный и беззаботный, сбил Сенлина с толку. Он противоречил всему, что произошло раньше: бедолагам у стены Бюро находок, крушению корабля, предательству Адама и зловещим предупреждениям Финна Голла про аппетиты башни и легкость, с которой та поглощала женщин. У него все еще болел живот от недавнего подлого удара. Но вот он здесь, ведет светскую беседу с денди.

– Разве это не надоедает?

– Обещаю, мистер Сенлин, это никогда не надоест. Сюжеты переписываются каждый месяц, комнаты заново обставляются, и игроки, конечно, меняются местами. Я мог бы посетить Салон сто раз и никогда не насытиться. Нужно лишь немного воображения. Острый ум, конечно, не помешает, но даже фермер сможет здесь развлечься. Жаль только, что представления такие короткие – как правило, неделя. Потом спектакль заканчивается, и мы должны снова стать собой. – Казалось, он сейчас расплачется.

Сенлин не совсем понял, о чем говорит Пининг. «Популярный путеводитель» отзывался о втором уровне башни, Салоне, как о театральном районе, который за много лет произвел на свет массу прекрасных действующих трупп. Они с Марией планировали посмотреть представление перед тем, как отправиться на отдых в Купальни с их доступными номерами и многочисленными минеральными источниками. «Путеводитель» содержал кое-какие предложения по анализу пьес и указания по зрительскому этикету, но в нем не было ничего относительно расписаний или конкретных деталей, потому что все это очень быстро устаревало. Уже не в первый раз после прибытия в башню Сенлин почувствовал себя неподготовленным. И все же, вспомнив совет Голла: «Сливаться с окружением и вести поиски, не вызывая подозрений», он решил приложить все усилия к тому, чтобы сохранить внешнюю невозмутимость.

Впрочем, он не мог представить себе пьесу, даже самую масштабную эпопею, которая шла бы неделю. Несомненно, это преувеличение.

Очередь медленно продвигалась. Пининг без умолку болтал, выдавая весь репертуар юмористических наблюдений и бесцветной философии, а Сенлин, обрадованный тем, что собеседнику для поддержания светского разговора помощи не требовалось, лишь время от времени улыбался и поддакивал. Вскоре устремленная вверх спираль превратилась в площадку у занавешенного арочного входа, за которым обнаружилась комната, напомнившая Сенлину театральный вестибюль. Перед ними были четыре кассы, украшенные богатой резьбой, а за каждой стоял сверкающий турникет. В кассах, которые размерами немного превосходили гробы, сидели мужчины в белых ливреях и пепельно-серых жилетах. Их лица – восково-бледные, как у трупов, – лишь усиливали сравнение.

За одетыми в форму людьми располагались четыре двери: первую отмечала латунная буква «К», вторую – «Ш», третью – «Э», а последнюю – «И».

– Это капельдинеры Салона. Они скажут, какую роль вы будете играть, и объяснят правила поведения на сцене. Обратите внимание на правила, мистер Сенлин. Эти вещи утомительны, но у каждой шестеренки есть свое предназначение, верно? – сказал Пининг без малейшего намека на серьезность.

Он поправил концы воротника, и тут капельдинер вызвал его вперед. Пининг рассмеялся – сердечно, но беспричинно. Таков был его способ смазывать шестерни, впрочем без особого эффекта. Капельдинер остался мрачен, как судебный пристав. Несмотря на весь энтузиазм, с которым Пининг говорил о прелестях Салона, во всей этой сцене было маловато гостеприимства.

Сенлину махнул другой капельдинер, у которого была яйцеобразная голова с морщинами, начинающимися от лысой макушки, окруженной ухоженным «бордюром» белых волос.

Капельдинер вручил ему карманного размера печатный буклет. Книжка напомнила Сенлину буквари его учеников: потрепанная, с грубым переплетом и неровным передним краем.

– Вы будете играть дворецкого, сэр, – объявил капельдинер, и морщины на его лице не дрогнули.

На обложке сенлиновского буклета красовался штамп с именем персонажа: «Исаак».

– Я ничего не понимаю. Я не актер. Я бы хотел присесть, может быть, где-то сзади... – начал Сенлин.

Взгляд капельдинера был настолько пустым, что Сенлин не понимал, выражает ли длинная пауза неверие или отвращение. Мужчина выглядел невыразительным, как дверной молоток. Сенлин шумно сглотнул.

– Вы и актер, и зритель, сэр, – сказал капельдинер. – Вы можете присесть, если хотите. Правила Салона перечислены на обороте программы; я предлагаю вам ознакомиться с ними. Самое важное, сэр, чтобы вы проходили только через двери, помеченные буквой «И». «И» – от Исаак. Вход в дверь другого персонажа приведет к удалению из Салона.

– А нельзя меня удалить прямо сейчас? Я спешу в Купальни. – Он не собирался посещать театр, каким бы оригинальным и современным тот ни был, пока Мария неизвестно где. Должен ведь существовать коридор для туристов, которые идут дальше...

– Никого не удаляют на верхние этажи, сэр, только в Цоколь. Если вы хотели обойти наши развлечения, вы должны были взять билет на корабль, – сухо сказал капельдинер. – Во-вторых, мы просим вас разжечь огонь в каждой комнате, куда вы войдете. Топливо предоставлено, и я могу заверить вас, что всем персонажам положено заботиться о каминах, а не только тем, кто играет роль дворецкого. Отказ поддерживать огонь в очагах приведет к удалению.

Билетер попросил двенадцать шекелей, которых хватило бы, чтобы заплатить за гостиничный номер на три ночи. Сенлин был удивлен и недоволен суммой, но не увидел иного выбора. Он недавно узнал, к чему приводит торг из-за вступительного взноса. Он мог вернуться в Цоколь – или заплатить и пойти дальше.

Для оплаты пришлось снять ботинок. Он бы смутился сильнее, если бы не заметил краем глаза, как новый знакомый, Пининг, снимает тщательно отполированную туфлю по той же причине. Похоже, Сенлин не первый, кто ходит по собственным сбережениям. Открытие заставило его почувствовать себя менее умным.

Сенлин прошел через отполированный турникет, но прежде, чем он открыл дверь, украшенную латунной «И», Пининг коснулся его руки и сказал:

– Через неделю вас вытащат из приключения, и это будет похоже на будильник, прерывающий прекрасный сон!

Глава восьмая

*Не позволяйте, чтобы строго определенный маршрут мешал
неожиданным приключениям.*

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, III. II

Невзирая на загадочные объяснения капельдинера и энтузиазм Пининга, Сенлин по-прежнему ожидал увидеть ряды кресел, обтянутых бархатом, сцену, просцениум и занавес, – короче говоря, он ожидал увидеть театр.

Вместо этого он очутился на пороге вымощенного белой плиткой коридора, напоминающего раздевалку пансиона, в котором он учился много лет назад. Вдоль стены располагались кедровые скамьи и кабинки. Десятки одетых в белое прислужников со скучными лицами сновали туда-сюда, толкая вешалки с костюмами, таская стопки полотенец, волоча корзины, полные отполированных туфель. В отличие от капельдинера, которому он только что заплатил, по нарядам этих людей было видно, что они обычные трудяги. Воздух был тяжелым от пара и агрессивных ароматов одеколона, мыла и лосьона для волос. Он понял, где оказался: за кулисами! Но где же сцена? И кто на ней?

Сенлином занялся прислужник, который принес аккуратно сложенное белое полотенце с квадратиком розового мыла сверху. У прислужника были прилизанные волосы цвета камня и худые щеки, розовые от тщательного бритья; он выглядел претенциозным, как торговец рыбой. Сенлин слегка встревожился, обнаружив, что этот человек вооружен. На поясе у него висел однозарядный пистолет. Вновь окинув взглядом других прислужников в помещении, Сенлин увидел, что большинство вооружены. Непривыкший к свободному ношению пистолетов – даже констебль Исо не всегда носил свой, – Сенлин решил: это знак, что он вступил в более законопослушную часть башни.

Сенлин сердечно улыбнулся нелюбезному прислужнику. Тот в ответ не столько повел, сколько потащил его к незанятой душевой кабинке.

Невзирая на тревогу, Сенлин наслаждался горячей водой и грубым мылом с ароматом сандалового дерева. Похоже, это была первая настоящая роскошь, предложенная башней. Он бы постоял еще немного под источающими пар струями, не вмешайся сердитый прислужник.

Он измерил завернутого в полотенце Сенлина портновской лентой, потом ушел и вскоре вернулся со сменой одежды: фраком дворецкого и накрахмаленной манишкой. И то и другое подошло, но не польстило долговязому Сенлину. Дворецкий из него получился неубедительный. Красный галстук-бабочка на нем смотрелся так абсурдно, что Сенлин его сразу снял. Но прислужник быстренько подобрал выброшенный галстук и без нежностей вернул на шею Сенлина.

– Вы не можете менять костюм, сэр, – сказал человек с волосами цвета стали. – Взгляните на правила в программе.

Постепенно до Сенлина дошло, что ему пытались объяснить: он был и актером, и зрителем. Это не театр. Это шарада. Детская игра в «верю – не верю». Конечно, здесь нет настоящей публики. Кому захочется на такое смотреть?

Служитель велел Сенлину упаковать одежду и ценные вещи в портфель, что он и сделал с опаской. Ему претила идея расстаться с деньгами, билетами на поезд и путеводителем, но, похоже, выбора не было. Тот факт, что здесь все было устроено так по-деловому и так много

внимания уделялось безопасности, давал некоторую надежду. Кроме того, выяснилось, что он не единственный, кто держит деньги в ботинке, – и насколько же это безопасно?

Затем его портфель заперли в тяжелом шкафу на колесиках, вместе с личными вещами других мужчин – все они, похоже, гораздо спокойнее расстались с имуществом. А почему нет? Никто в театре не волнуется, что пальто украдут из гардеробной. Эти люди пришли скрыться от действительности, играть, действовать! Они шутили, смеялись и вели себя как школьники, хотя большинство уже седовласы или вовсе лысые. Молодые мужчины тоже встречались, но были, как правило, толстоватыми, слегка неуклюжими или непривлекательными. Похоже, билетеры назначали на роль дворецкого мужчин, чьей наружности чего-то не хватало. Сенлин с горечью подумал, что ему среди них самое место.

Пока сопровождающий одевал и причесывал Сенлина, он прочитал программу. Программа описывала в общих чертах сюжет, который им предстояло приукрасить собой. Действие пьесы разворачивалось в особняке, поэтому сцена охватывала множество комнат, включая столовую, кабинет, кухню и еще дюжину домашних помещений. Героев было четверо: богатые муж и жена, поименованные Керрик и Элис Мейфэр, молодой подручный в делах по имени Оскар Шоу и Исаак, дворецкий – его роль в этом фарсе.

Игроки должны были вести импровизированный диалог на основе предоставленного сюжета. История оказалась достаточно банальной. Муж, мистер Мейфэр, поглощен деловыми вопросами. Он думает о молодом партнере, мистере Шоу, как о сыне, которого у него никогда не было, и много времени тратит на его подготовку к деловому миру. Между тем миссис Шоу, чувствуя, что муж ею пренебрегает, начинает флиртовать с мистером Шоу. Мистеру Шоу приходится выбирать между деловым будущим и чувствами, которые у него зарождаются к миссис Мейфэр – привлекательной, пускай и не без изъянов, женщине с переменчивым настроением.

Сенлин испугался, обнаружив, что дворецкому Исааку в конечном итоге придется решать, поддерживать ли сумасбродную хозяйку в ее неразумном поведении или раскрыть потенциальную измену своему работодателю, мистеру Мейфэру. Жуть кошмарная. Сюжет представлял собой именно ту разновидность тухлой мелодрамы, от чтения которой он отговаривал учеников. Подтекст был очевиден: любовь, чистая и вечная, побеждала все. Сенлин не верил в такую любовь: внезапную, эгоистичную и ненасытную. Любовь, какой ее часто изображали поэты, была лишь лысой похотью в пышном парике. Он верил, что у истинной любви больше общего с ученостью: она глубока, тонка и никогда не всеобъемлюща.

Капельдинер схватил утопающего в сомнениях Сенлина за плечо мозолистой рукой и повел через дальний конец раздевалки в зал с ковром на полу. Коридор перед ним мог бы быть коридором роскошного отеля. Выкрашенные в белый цвет двери размещались по обе стороны на равном расстоянии друг от друга, хотя в отличие от любого отеля, который он когда-либо посещал, в этом коридоре не было углов. Он тянулся и тянулся до тех пор, пока, постепенно изгибаясь, не исчезал с глаз долой. Коридор заполнили сотни мужчин разного облика, но каждый был одет в такой же черный фрак и накрахмаленную манишку, как Сенлин. Вездесущий красный галстук-бабочка, от которого зудела шея, делал владельца менее заметным в толпе, но зато более абсурдным.

Словно он шагнул между двумя зеркалами и теперь наблюдал, как удваивается снова и снова, превращаясь в тусклую бесконечность. От увиденного закружилась голова.

Грубый сопровождающий вручил ему ключ и сказал:

– Найдите незапертую дверь в коридоре. Если она не заперта, пьесе внутри все еще нужен кто-то на роль Исаака, дворецкого. Другие игроки, возможно, уже начали пьесу. Закройте за собой дверь. Ваш ключ откроет все межкомнатные двери, которые не отмечены, и дверь, через которую вы войдете. Если вы выходите в коридор, то не можете повторно войти в пьесу. Если вы выйдете через дверь другого персонажа, будете удалены из Салона. У вас есть вопросы?

Немного ошеломленный, но понимающий, что не в его положении задавать вопросы куратору – который, впрочем, все равно не в настроении отвечать, – Сенлин покачал головой.

– Наслаждайтесь вашим представлением.

«Пройди через Салон. Доберись до Купален. Она будет там», – снова сказал себе Сенлин.

Его охватили знакомые ощущения – комок в горле, пульсация в кончиках пальцев, сужение поля зрения, – предвещающие приступ паники. В тесном коридоре было слишком много народу. Ему надо вырваться. Он принялся прорываться через толпу дворецких, которые бродили туда-сюда и болтали, не очень-то спеша отыскать незапертую дверь. Это ведь, в конце концов, их приключение в отпуске! Они экспериментировали с театральными акцентами и сценическими жестами; они хвастали, какую сторону поддержат, как только начнется спектакль. «Любовь должна победить!» «Нет, брак – это святое!»

Ему захотелось кричать.

Мысль о том, чтобы вломиться в некую странную комнату, нервировала его, но не так сильно, как полный коридор дворецких. Он случайно попробовал дверь и обнаружил, что она заперта. Дернул другую – и тут неудача. Со следующей тоже не вышло. Ладони вспотели, и дверные ручки скользили под рукой. Его душевные страдания росли с каждой неудачей. На миг он словно отделился от собственного тела и увидел со стороны, как обезумевший тощий дурень дергает одну дверную ручку за другой.

Его двойники ворчали и вздергивали подбородки, когда Сенлин протискивался мимо. Он толкал дворецких, вынуждая тыкаться в деревянные панели на стенах и обои с позолотой, но не извинялся. Он не мог ничего с собой поделать. Он сходил с ума, и не только из-за знакомых тревожных спазмов, но и от мысли, что Мария могла оказаться за любой дверью, участвуя в спектакле, изображая жену одного человека и любовницу другого. Он схватился за следующую дверную ручку, как будто хотел ее задуть.

Она повернулась. Сенлин бросился внутрь и быстро запер за собой дверь. Тишина была чудесна.

Он стоял на пороге кухни. Как будто вошел в чей-то дом через заднюю дверь. Рядом с печкой-буржуйкой лежали аккуратной пирамидкой наколотые дрова. С пересекающихся потолочных балок под открытыми стропилами свисали сети, полные тыкв и лука. Банки с заготовками ярко блестели в свете масляной лампы без абажура. Лампа также освещала латунный выступ на стене, размещенный до странности высоко. От этой диковинки Сенлин быстро отвлекся на ветчину. Окорок, утыканный яркими вишнями, лежал на богато украшенном блюде на столе для слуг. Аромат древесного дыма, гвоздики, свинины и закаленного железа согревал воздух. Это было восхитительно. И безмятежно. Он с трудом верил, что все еще находится в Вавилонской башне.

Он разжег огонь и наполнил чугунный чайник водой из прочного зеленого крана. Сделал это по привычке; у него дома на плите всегда кипел чайник, чтобы в любую минуту можно было приготовить чашку чая. Трубы булькали и кашляли, как старый астматик. Работа по дому его утешила. Брызги жира на плите заставили подумать о завтраке: олады, печеные яблоки, жирный лосось шкворчит на сковороде. Он проголодался. Нет, он не просто проголодался – он умирает от голода. Сенлин забыл о приличиях и оторвал толстый кусок жирной корочки от бронзовой ветчины. Съев полоску в один прием, оторвал вторую, а потом – третью. Он жевал и жевал, задыхаясь. Он насыщался, стоя над ветчиной, как стервятник, и наслаждался одиночеством. От соленого мяса щипало губы, потрескавшиеся от жажды. Сенлин взял чашку с крючка и наполнил ее из крана, а потом выпил, постанывая от облегчения. Съев столько мяса, сколько смог, он завернул еще несколько кусочков в салфетку и сунул в карман.

Фарфоровая чашка в его руках приковывала взгляд, хотя ему потребовалось время, чтобы понять почему. Ее край был расписан причудливой гирляндой из цветков кизила. Всего

несколько месяцев назад Мария, в процессе объединения их хозяйств, распаковала заполненный соломой ящик фарфора, украшенного таким же рисунком. Ее набор был семейной реликвией, подарком от бабушки на свадьбу. В тот день Сенлин заметил, что кое-что из набора отсутствует, и, вдохновленный желанием угодить, а также стремлением к полноте, предложил найти замену.

Мария поблагодарила его и потянула за шею, поцелуем стирая угрюмость с его лица. Теперь Сенлин задавался вопросом: неужели он всегда хмурился, даже когда они были одни?

– Недостатки также часть набора, – сказала она. – Их нельзя заменить. Я знаю, когда и что сломалось или потерялось. Я сама разбила тарелку, когда мне было девять. Теперь я бессмертная часть картины. Меня устраивают мои недостатки, спасибо. – Она подмигнула и прижала язык к верхней губе. Такую рожицу она иногда корчила в классе много лет назад, и, вспомнив об этом, он с нежностью улыбнулся.

Нет, он не всегда хмурился.

Сенлин рухнул в кресло посреди уютной поддельной кухни и спрятал лицо в ладонях.

Глава девятая

В конце концов, вы неизбежно и неизменно обнаруживаете, что не готовы сделать осознанный выбор. Когда сомневаетесь, скажите: «Да». «Да» – это вечный паспорт. «Да» – это неразменная монета.
Популярный путеводитель по Вавилонской башне, I.XII

Сенлина привел в чувство назойливый звон колокольчика. Он с удивлением осознал, что заснул. На стойке со множеством колокольчиков, прикрепленной над плитой, звенел один – дергался вверх и вниз, вторя рывкам шнура, который исчезал в стене. Сенлин прыгнул к двери под колокольчиками, все еще сжимая в руках чашку, которая заставила его предаться размышлениям.

Он вошел в длинный обеденный зал, который вполне вписался бы в провинциальный особняк, если бывают особняки без единого окна. Вдоль обеденного стола, блестящего от полировки, стояло столько стульев с высокими спинками, что хватило бы на целый парламент. На стене между гобеленами висели ярко раскрашенные щиты. Также обнаружилось еще несколько латунных штуквин, прикрепленных к стенам на большой высоте. Может, это воздушные клапаны? В просторном камине тлели угли, их хватило бы, чтобы зажарить кабана. Комната пустовала, но Сенлин услышал приглушенные голоса по соседству.

Решив как можно дольше избегать других актеров в фарсе, Сенлин подошел к стойке с дровами, выбрал два полена, разрубленных на четыре части, и аккуратно разложил на решетке. Он не мог понять, откуда доносятся голоса. Кто бы это ни был, говорили пылко; хотя весело или разгневанно – он не мог сказать. В голове все еще не прояснилось после сна. Интересно, как долго он спал? Спектакль уже начался? Он ожидал какого-то введения или преамбулы. Сенлин потрогал галстук-бабочку и спросил себя, что будет, если он спрячется на кухне и позволит мелодраме развиваться своим чередом.

Одна из множества дверей обеденного зала распахнулась, и влетела женщина в пышном кринолине, скалящая зубы – он не понимал, от досады или отвращения. Сперва она не заметила Сенлина, который застыл, словно кролик. Потом на него все же обратили внимание, и оскал превратился в неубедительную улыбку.

– Исаак, где наш чай? – спросила она. За открытой дверью раздавалась напряженная перебранка мужчин. – Разве ты не слышал, как я звоню?

Сенлину понадобилось мгновение, чтобы вспомнить: Исаак – это он.

– Да, – сказал он, чувствуя легкое раздражение. Он привык быть тем, кто звонит, созывая детей на урок. Он провел шесть лет в университете не для того, чтобы сделаться воображаемым слугой какой-то незнакомки. Но, желая избежать ссоры, он вынудил себя ответить согласно роли, хоть и без малейшего энтузиазма: – Еще не готов.

Она придвинулась ближе, и он увидел, что ее щеки покраснели. Ее волосы, темные, как мокрый сланец, были уложены в высокую прическу. Кожа у нее была карамельного цвета, как у уроженцев Южного Ура. Ее черные, словно уголь, глаза и густые брови впечатляли, но не сочетались с платьем в оборках, персикового цвета. Она выглядела как торт с переизбытком глазури. Зрелище напомнило Сенлину о том, насколько легко испортить красивое произведение искусства вычурной рамой. Низкий вырез ее платья открывал пышную грудь.

Она взяла у него чашку, заглянула внутрь и перевернула вверх дном – та была пуста. Одарив дворецкого разочарованным взглядом, она сунула чашку обратно:

– Забудем пока про чай. Мой муж и мистер Шоу ссорятся в кабинете. Я думаю, будет лучше, если в комнате появится кто-то более спокойный.

Сенлина смутила ее игра. Она выглядела расстроенной, испуганной даже, но называла мужчин согласно именам их персонажей. Может, перед ним – талантливая актриса? До Сенлина вдруг дошло, что в Салоне не все такие любители, как он.

– Что я должен делать?

Актриса вскинула руки, подгоняя его, – выглядело это так, будто она хочет прогнать своенравного цыпленка, а не человека.

– Просто тихонько войдите в кабинет! – Миссис Мейфэр на миг вышла из роли, заговорив с сельским акцентом. Быстро опомнившись, она закончила более уравновешенно: – Пожалуйста.

Снова выхватив у него пустую чашку, она начала использовать ее в качестве реквизита: принялась пить воздух, отставив в сторону розовый мизинец. Если это представление должно было убедить его, что миссис Мейфэр держит себя в руках, ничего не вышло. Когда она опустила чашку на блюдце, раздалось громкое дребезжание.

Сенлин ее пожалел; она здесь так же неуместна, как и он.

Вздохнув тихонько и решительно, Сенлин слегка поклонился и сказал:

– После вас, мадам.

Комната выглядела скорее собранием трофеев, чем кабинетом: стены украшали старые охотничьи рога, шлемы и сабли. Над камином растянулся на колышках огромный мушкет длиной около шести футов. Сенлин усомнился, что он настоящий. Угол комнаты занимало внушительное чучело зверя, чей длинный коричневый мех от старости немного свалился, но остался густым. Сенлину понадобилось несколько секунд, чтобы опознать животное: гигантский муравьед. Густой черный мех на горле, растопыренные когтистые пальцы и маленькие глаза-заклепки выглядели более драматично из-за размера существа: стоя на задних лапах, оно возвышалось футов на семь. На другой стене висели головы оленя, вапити и лося. В тусклом свете камина казалось, что звери злобно глядят на Сенлина.

Двое мужчин в смокингах спорили, расхаживая туда-сюда возле барной стойки из красного дерева, иногда останавливаясь, чтобы перелить содержимое хрустального графина в стаканы.

Сенлин с удивлением узнал мужчину, что был худее и моложе. Им оказался мистер Эдсел Пининг, который по-прежнему держал руки за спиной, а во время разговора наклонялся вперед, словно клюющая зерно курица. Пининг, в роли Оскара Шоу, молодого и романтического помощника, с наслаждением погрузился в лиричные рассуждения о нелогичности любви и бесплодности бизнеса. Похоже, он не стал откладывать начало кризиса, на котором зиждилась пьеса. Он нырнул в этот кризис с головой.

Более крупный мужчина, играющий мистера Мейфэра, был краснолицым, седобородым и, как с тревогой подумалось Сенлину, очень пьяным.

Спорщики не заметили Сенлина, и он, тихонько пройдя к камину, поворошил угли кочергой, создав для ссоры героев более яркое и более театральное освещение. Женщина в кринолине не отходила далеко от Сенлина. Она уселась на оттоманке у камина, разложив юбки.

– Я взял тебя в свой дом, открыл тебе свои финансы, и как ты мне отплатил? Лапая мою жену? – Мужчина, играющий Мейфэра, рывкнул, взмахом руки усиливая слова, и плеснул алкоголем на яростно вставшего на дыбы муравьеда.

– Я плачу вам ответным доверием. Я продемонстрировал вам счетоводные книги моего сердца. И в точности как делец не может по своему усмотрению заставить цены на товары расти

или падать, человек, которым движет сердце, не в силах руководить душевными порывами. Фондовая биржа сердца – непостоянная вещь. Миссис Мейфэр...

– ...моя! Это не бизнес, это воровство, – перебил мистер Мейфэр и, ко всеобщему удивлению, разбил стакан об пол.

– Возможно, мы продолжим наш разговор, когда у вас хоть немного прояснится в голове, – сказал Пининг, едва сдерживая восхищение страстностью сцены. Он повернулся к женщине, чьи юбки накрыли и скамеечку для ног, и половину ковра, на котором стояла оттоманка. Пининг наклонился и поцеловал ей руку. – Моя дорогая, теперь я вас покину, чтобы подсластить наше воссоединение! Разве солнце прекраснее всего не во время заката и восхода? Пусть наши вечерние и утренние зори будут такими же яркими!

Когда Пининг снова выпрямился, хрустальный графин взорвался, ударившись о его затылок. Ореол летящих осколков блеснул в свете камина, отчего Пининг, как подумалось Сенлину, на миг превратился в ангела.

Пининг рухнул на пол у ног миссис Мейфэр, и красные брызги запятнали подол ее персиковой юбки. Она в ужасе вскочила, перевернула оттоманку и упала на Сенлина, который по-прежнему стоял, оцепенев, перед камином, все еще держа в руках кочергу.

Над Пинингом стоял мистер Мейфэр, чья нижняя челюсть отвисла, а подбородок блестел от слюны.

– Она хочет меня, – пробормотал он, роняя зазубренное горлышко графина. Потом крикнул, яростнее: – Она хочет меня! – Ткнул пальцем в распростершееся тело Пининга. – Ты мошенник, маленький мошенник. Ты не смог бы удовлетворить эту женщину, ты, пижонский болтливый мошенник. Ей нужен мужчина! Ей нужен я! – Вне себя от выпивки и ярости, Мейфэр принялся мять и щипать собственное лицо, а потом, шатаясь, побрел к двери, через которую вошел Сенлин.

Улучив минуту, Сенлин бросился к Пинингу. Ему пришлось прижаться ухом к коврику, чтобы разглядеть хоть часть лица несчастного под густыми потеками крови. Глаз Пининга сосредоточился на Сенлине, и Оскар Шоу сумел выдавить из себя слабую и беззащитную улыбку. Он был жив. Это обнадежило Сенлина. Он жив! Конечно жив – ведь это всего лишь театр. Точнее, грубое подобие театра, но ведь все эти люди не сняли с себя человечность, как костюм, сменив его на сценические наряды. Главное сейчас – приостановить пьесу и заняться раной Пининга. Сенлин не раз видел, как мальчишки разбивают головы на школьном дворе, и, хотя крови проливалось очень много, раны никогда не бывали смертельными.

Пол задрожал от тяжелых шагов, и закричала женщина.

Сенлин поднял глаза и увидел, как Мейфэр несется через комнату. Он снял со стены саблю и держал ее двумя руками, как знамя на поле боя. Но не было ни знамени, ни поля боя. Был только раненый бухгалтер в костюме, распростершийся на ковре с орнаментом пейсли.

Мейфэр, свирепо охнув, вонзил саблю Пинингу между лопатками.

Пининг выгнулся, словно намереваясь уползти, и стало видно, что сабля прошла через него насквозь и воткнулась в пол. Он дважды трепыхнулся на весу, а потом снова скользнул вдоль лезвия. Плавая в луже собственной крови, Пининг втянул воздух – звук был похож на храп, от которого просыпается даже спящий крепче всех. Но Пининг замер и больше не пошевелился.

Сенлин попятился к миссис Мейфэр, которая стояла прижимая руки к шее и рту. Мейфэр уперся сапогом в спину Пинингу и выдернул саблю. На лезвии поблескивала темная кровь. Дрожа за кочергой, Сенлин почувствовал, как его дергают за фалды; женщина тянула его к двери возле камина. Это была не та дверь, через которую он пришел, и Сенлин понятия не имел, куда она ведет.

Сенлин воспротивился понуканию женщины и вместо этого приблизился к Мейфэру, который стоял посреди комнаты и тяжело дышал, словно разъяренный бык. Сенлином овла-

дело замешательство или, может быть, потрясение. Но надо было что-то сказать. Он вытянулся во весь свой учительский рост и произнес тем тоном, которым делал самые серьезные выговоры:

– Вы сошли с ума? Он же играл! Вы убили человека из-за его реплик в диалоге! Вы ей не муж. Вы не мистер Мейфэр. – Сенлин неистово ткнул пальцем в пол, словно приказывая псу сидеть. – Это всего лишь пьеса, и вы ее погубили.

Мейфэр провел кончиком языка по губам, словно избавляясь от дурного привкуса, а потом сплюнул на пол. У него был неуклюжий, апатичный вид человека, который только что выбрался из ванны. Он вяло взмахнул саблей – ковер украсила полоса кровавых брызг. Красные глаза Мейфэра блуждали и были сухими, как уголья.

– Отвали от моей жены, Исаак, – сказал он и направил саблю на Сенлина.

Глава десятая

*Все, что отвлекает от спектакля, само становится спектаклем.
Популярный путеводитель по Вавилонской башне, III. V*

Сенлин точно не знал, когда произошла перемена, но в какой-то миг на протяжении последних десяти лет, проведенных в качестве директора школы Исо, он начал считать весь поселок своей классной комнатой.

Он не был снобом, – по крайней мере, надеялся на это. Он не считал себя выше рыбаков или их жен, которые сушили, солили и консервировали треску и губана. Он не задирал нос перед горсткой перемазанных копотью железнодорожников, которые трудились на маленькой станции, или перед торговцами, которые снабжали город хлебом, одеждой и элем. Но он не мог удержаться от того, чтобы давать им крупницы знаний: объяснять, почему кристаллы соли образуются так равномерно, или вставлять замечания по поводу эволюции механизма парового клапана, или рассказывать об экзотических разновидностях домашних дрожжей. Местные терпели его импровизированные уроки, но не наслаждались ими. Они находили такие мелочи бесполезными, потому что те не облегчали их непосредственный труд. И все равно Сенлин упорствовал, движимый идеей, что знание – великий антисептик: чем образованнее общество, тем оно чище, безопаснее, тем лучше в нем соблюдается равенство и тем больше оно процветает.

Конечно, эталоном просвещения, на основе которого судили все остальное, была Вавилонская башня. Башня, в чем он не сомневался, была великим прибежищем обучения, средоточием цивилизации. Он проповедовал ее евангелие, а жители поселка закатывали глаза.

И возможно, они были правы. Вот он стоит, застряв в горле башни, и готовится умереть насильственной смертью. В голове у него не осталось ни единого факта.

Мейфэр кинулся вперед. Даже в ту мимолетную секунду Сенлин не увидел никаких следов раскаяния в лице мужчины: гнев полностью лишил его рассудка. Сенлин бросился назад, в открытую дверь, и споткнулся о тележку, нагруженную книгами. Он упал, а женщина кинулась мимо и всем телом прижалась к тяжелой двери. Задвижка щелкнула за миг до того, как с другой стороны в дверь застучали кулаками.

– Элис, дорогая, открой дверь! – крикнул Мейфэр.

– Меня зовут Эдит, чокнутый, и если ты сюда войдешь, я тебе глаза выцарапаю! – заорала она в ответ.

Сенлин порадовался, что она наконец-то перестала играть, но свирепость ее тона ошеломляла.

Дверь подпрыгнула на петлях.

– Она не заперта, – прошипела Эдит Сенлину. – Ключ! Где ваш ключ?

Когда он слишком промедлил с ответом – шестеренки его разума застыли от ужаса, – Эдит начала задирать юбку. Объемный чехол кринолина собрался комом вокруг ее талии. Обнажившаяся нога, казалось, принадлежала фарфоровой балерине, запертой внутри музыкальной шкатулки. От такого зрелища потрясение Сенлина не уменьшилось. Она вытащила ключ из-под белого чулка и, прижавшись к двери спиной, попыталась на ощупь засунуть в замочную скважину.

Но прежде, чем она успела это сделать, ручка повернулась, и рука Мейфэра ворвалась внутрь через ширящийся зазор. Он пошарил по двери, схватил Эдит за волосы и заорал:

– Делай, как я говорю, женщина!

Ее каблук заскользила. Она проигрывала битву за дверь. Она закричала, призывая Сенлина на помощь, и волнения в ее голосе оказалось достаточно, чтобы покончить с его оцепенением. Он схватил первое, что попало под руку, – тележку библиотекаря, доверху наполненную книгами, – и помчался к открывающейся двери, толкая тележку перед собой, как плуг.

Эдит отскочила в сторону, и Мейфэр распахнул дверь в тот миг, когда Сенлин запустил в него тележку. Катящийся снаряд ударил Мейфэра и опрокинул на барную стойку.

На мгновение Сенлину показалось, что противник потерял сознание, но, уже поворачиваясь к Эдит, он услышал позади звон бьющегося стекла и разгневанный, животный крик. Она снова бросилась на дверь, чуть не прижав Сенлина к косяку. Сунула ключ и закрыла ее на замок.

Удары возобновились. Дверная ручка яростно дергалась. Они слушали, как Мейфэр царапает собственным ключом замочную скважину, но ключ Эдит, все еще сидящий в замке, не давал ему задействовать механизм.

Окинув комнату быстрым взглядом, они поняли, что оказались в библиотеке. Переполненные книгами полки простирались от пола до потолочного карниза. Круглый картонный столик и четыре кресла располагались на медальоне большого ковра. В камине в форме веера тлел огонь. Сенлин в адреналиновом тумане поднял книгу, упавшую с тележки. Открыл. Страницы, которые он пролистал большим пальцем, были пусты, все до единой. Бутафория. Осознание заставило его перевести дух. Он понял, что возмущен. Нет, не возмущен – он зол! Он швырнул книгу-пустышку в камин. Она ярко вспыхнула, словно стора от отвращения к себе.

– Ну почему мы застряли не в оружейной? – спросила Эдит. Ее прическа рассыпалась, и темные локоны теперь обрамляли лицо.

Они одновременно увидели другую дверь, ведущую из библиотеки. Открытую.

– Надо ее заблокировать, – сказал Сенлин.

– Мы окажемся в ловушке, – возразила Эдит. Мейфэр заколотил в дверь энергичнее. – Я не хочу, чтобы меня загнали в угол. Там есть оружие. Вы его видели. Если оно заряжено, нам крышка.

– Тогда мы должны найти выход. – Сенлин подобрал упавшую кочергу. Он не мог себе представить, что пустит ее в ход, но тяжесть в руках успокаивала. – Вам придется оставить свой ключ в замке.

– Пойдите, – сказала она, а потом, повернувшись к двери, крикнула: – Бедро не сломай, старый рогоносец!

Насмешка возымела желаемый эффект: Мейфэр удвоил усилия. Пока он с грохотом бился о преграду, они выбрались из комнаты через дверь, на которую никто не посягал.

На социальные тонкости и представления не было времени. Если им и удастся спастись от берсеркера Мейфэра, то лишь благодаря сообразительности и бдительности. С формальностями они разберутся позже, если выживут. Пока что главное – уйти. Они рассмотрели свои варианты, пока крались через дом.

Вскоре они поняли, что совершили тактическую ошибку, оставив ключ Эдит в двери, но с этим уже ничего нельзя было поделать. Будь у них ее ключ, они могли бы побежать напрямик в спальню героини, через которую Эдит вошла в пьесу, и выйти. Ее комната находилась в противоположном конце сценического особняка, далеко от комнаты с трофеями. Имея в своем распоряжении лишь ключ Сенлина, который открывал дверь в кухню, они были вынуждены возвращаться туда через комнату с трофеями или примыкающий к ней обеденный зал. Всего два пути, и пятидесятипроцентный шанс снова столкнуться с Мейфэром. Чтобы улуч-

шить расклад, Эдит предложила завести Мейфэра как можно дальше вглубь дома, туда, где спальни были многочисленными, а коридоры – запутанными. Как только его удастся выманить из комнаты с трофеями, они вернутся в обеденный зал и сбегут через кухню. Если получится попасть в коридор Исааков, те, несомненно, помогут.

Сенлин предложил запирать каждую встреченную дверь. Так они собьют с толку и замедлят Мейфэра: если все двери окажутся заперты, у него не будет очевидного следа, по которому можно идти. Эдит согласилась и выразила надежду, что Мейфэр и дальше будет шуметь. Пока он движется так громко, им известно, где враг.

Шум немного утих, когда они вошли в тускло освещенную оранжерею с клавесином. Блестящий инструмент окружали стулья с бархатной обивкой. Здесь из стен торчало больше странных латунных клапанов. Похоже, они были в каждой комнате. Надеясь зажечь найденную свечу, Сенлин развел огонь в камине, где остался только пепел. Но поднеся щепку к свече, он вдруг понял, что в центре нет фитиля. Он швырнул восковую палку в свежие дрова, сбитый с толку глупой хитростью. Зачем вытаскивать фитиль из свечи? Абсурд какой-то.

Он собрался попробовать вторую свечу, когда далекий стук резко прекратился. Они на мгновение замерли, как испуганные олени, а затем без слов поспешили в соларий по соседству.

Соларий был ужасным издевательством. Его стены окрасили так, чтобы те напоминали окна, из которых открывался вид на облака, похожие на цветную капусту, и солнце, похожее на яичный желток. Малиновка, нарисованная в полете, больше напоминала раздавленного на стекле жука, чем живую птицу. Многие комнаты выглядели такими же: неуклюжими декорациями. Большинство предметов представляли собой пустые оболочки, бутафорию. Дом был сценой во всех смыслах, только вот там, где полагалось находиться публике, располагалась всего лишь еще одна стена. Сенлину вдруг захотелось, чтобы свет очей прогнал тени со сцены. В кои-то веки он пожелал оказаться в центре внимания.

Они пробирались через комнаты и коридоры. У Сенлина замирало сердце, когда ключ скрежетал в замке. Звук был мучительным, как трение песка о стекло. Даже их дыхание и шорох объемных юбок казались грохотом. Когда Сенлин приблизился к углу и увидел призрак вскинутой сабли, он взвизгнул и замахнулся кочергой.

Пустая вешалка ударилась о стену и с грохотом упала на пол.

Эдит от ужаса оскалилась на него. Он, беспомощно извиняясь, пожал плечами. Что он мог поделать? Он не приспособлен к таким интригам. Он попытался объяснить, но она зашипела, веля заткнуться, и поспешила дальше.

Заперев дверь в короткий унылый коридор, они вошли в спальню, где почти все место занимала огромная кровать с четырьмя столбиками, под балдахином из янтарных шелков. Дверь слева от кровати была обозначена полированной «К».

– «К» – это Керрик Мейфэр. Мы в его комнате, – сказал Сенлин, вороша угли в облицованном зеленой плиткой камине, чтобы осветить комнату.

Эдит сражалась с кринолином.

– Это просто смешно. – Она повернулась спиной к Сенлину. – Расстегните меня.

Просьба его ошарашила. Какая леди способна о таком просить? Он с глупым видом уставился на ее шею, на карамельную кожу, на темную россыпь веснушек. Он осознал, что с того мгновения, как их свели мрачные обстоятельства, избегал мыслей о том, кто она такая и как сюда попала. Сперва он предположил, что она леди, потому что такова была ее роль, – и теперь критиковал за поведение, неподобающее леди. Абсурд! Он-то никакой не дворецкий. Нет, она человек, как и он, с прошлым и с домом. Судя по всему, она потерялась или тоже кого-то потеряла. Возможно, где-то какой-то мужчина в эту самую минуту тосковал по ее шее, увиденной в миг близости. Эти мысли удивили Сенлина и оживили воспоминания о Марии и медовом месяце, который он испортил.

Расстроенный путаницей мыслей, Сенлин буркнул:

– Зачем?

– В смысле? Зачем снимать десять фунтов каркаса и оборок, пока за мной гонится вооруженный псих? – Она бросила на него взгляд через плечо, придерживая рукой волосы, темные как плодородная земля. – У двух женщин ушло полчаса, чтобы засунуть меня в эту штуку. Сама я не выберусь.

Он нервно огляделся и устыдился, когда увидел постель.

Она вздохнула:

– Вы монах?

– Нет.

– Тогда расстегните платье!

Их прервал тихий скрип, еле слышное потрескивание досок. Звук, казалось, исходил со стороны коридора, хотя с той же легкостью мог раздаваться с потолка или из-под пола. Вообще-то, у Сенлина возникло странное ощущение, что скрип доносится из угла комнаты, который располагался дальше всего от дверей и был пуст, если не считать латунного клапана на стене.

У него встали дыбом волосы на руках, как иной раз бывало в классе, когда он поворачивался спиной к ученикам. Волоски вставали дыбом, и он понимал: позади что-то не так, кто-то не на месте, или кто-то замахнулся, чтобы бросить бумажный шарик, или...

Он дважды повернулся вокруг своей оси, высматривая, что же вызвало такой эффект. Но вокруг не было ничего – только тени ползали по стене.

Глава одиннадцатая

Если актеры, сценарий или режиссер хоть в чем-то хороши, то публика будет бояться лишний раз вздохнуть. Не считая, конечно, комедий. В этом случае тишина в зале – вещь ужасная и мучительная.
Популярный путеводитель по Вавилонской башне, III.XI

Они разыскали спальню Эдит, там оказалось темно. Сенлин вернулся в предыдущую комнату, зажег щепку и принес, словно факел. Он быстро поднес палочку к камину, где громоздилась куча пепла, и разжег огонь, воспользовавшись дровницей. Пока он этим занимался, Эдит попыталась открыть крепкую дверь, украшенную буквой «Э». Она не удивилась, обнаружив, что та заперта.

– И почему я оставила свой ключ?

– Ничего не поделаешь. Я могу попытаться выбить дверь... – Еще не договорив, он вспомнил дверь, через которую вошел сам. Она была крепкой, как дамба.

– Вы уверены? – сказала она с сомнением, повернувшись к нему. Она правильно оценивала его силы, но Сенлину все равно захотелось убедить ее в обратном. Он ведь, в конце концов, ученый, а не головорез. Возможно, если бы в этом мире было побольше ученых и поменьше головорезов, им бы не пришлось спасаться бегством! Но он ничего не сказал. – Мейфэр точно услышит, как вы в нее колотите, и загонит нас в угол.

С этим он поспорить не мог.

– Теперь я понимаю, где нахожусь, – продолжила Эдит. – Фойе в той стороне.

Широкая лестница с узкой зеленой дорожкой поднималась к потолку, резко упираясь в плоскую штукатурку там, где должен был начаться второй этаж. Вход, расположенный напротив нижней части лестницы, был нарисованным.

– Несмотря на все свои двери, этот дом полон тупиков, – заметил Сенлин.

– Обеденный зал вон там. Мы почти добрались до кухни, – сказала она, подбирая тяжелые юбки с театрально преувеличенным усилием. – Если он там, а я запутаюсь из-за дурацких тряпок, виноваты будете вы. – На ее лице промелькнула нервная улыбка, а потом она бросила тревожный взгляд на кочергу, которая безвольно свисала в руке Сенлина. – Жаль, что у нас нет меча.

– Я никогда в жизни не держал в руках меч.

Как будто обезоруженная его прямоотой, она снова улыбнулась:

– Я тоже. – Она увидела, что кочерга дрожит в его руке, и ее улыбка поблекла. – Помнится мне, там, на стенах, были такие штуки, вроде щитов. Верно? – (Сенлин кивнул.) – Я предлагаю снять один и, если понадобится, использовать его как таран. Мы вдвоем должны одолеть одного старого пьяницу.

– А если они бутфорские?

– Меч был вполне настоящим, – возразила Эдит.

Сенлин задумался: с чего вдруг? Почему здесь свечи-обманки и книги с пустыми страницами, но заточенные мечи? Жаль, что строгий служитель, который его одевал, не предупредил о таких вещах; и еще жаль, что этот служитель не ворвался сюда с пистолетом наготове и не положил конец кошмару.

Он отпер дверь в обеденный зал и заглянул внутрь, чувствуя, как прижимаются сзади скомканные юбки Эдит. Она вытянула шею, заглядывая через его плечо в расширяющуюся щель. Он не удивился бы, увидев бочкообразного Мейфэра сидящим во главе обеденного стола с видом короля в спектакле. Но в комнате шевелились только языки пламени и потрескивали дрова внутри глубокого каменного очага.

Щиты на стене покрывали эмалевые изображения ярких гербов. Они казались вполне реальными. Сенлин снял каплевидный щит с синим крестом. Это было все, что он мог сделать – держать толстую железную пластину перед ними. Он бы скорее умер, чем пожаловался на ее вес.

– Хорошо, а теперь потихоньку... – проговорила она, тыкая коленями в его ноги.

Зал перед ними удлинился. Дверь кухни отступила, когда они начали к ней продвигаться, низко пригнувшись за щитом. Из столовой вели шесть дверей. Было невозможно догадаться, с какой стороны Мейфэр нанесет удар. С тем же успехом он мог валяться на полу без сознания. Сенлин даже не знал, настоящие ли это двери. Волоски у него на руках встали дыбом. Не зная, куда повернуться спиной, он размахивал щитом в разные стороны.

Они прошли мимо кабинета, где погиб Пининг. Дверь была приоткрыта – недостаточно, чтобы заглянуть в комнату, но достаточно, чтобы из кабинета в обеденный зал падал луч света. Сенлин повернул щит к светящейся полосе, в ужасе думая, что сейчас она мигнет, ее рассечет тень, а потом Мейфэр вырвется из комнаты. Образ был таким ярким, что казался предзнаменованием, но, конечно, он не верил в подобные вещи...

Его размышления прервал скрип старых дверных петель. Сенлин прищурился на крепкую дверь и с удивлением понял, что щель ничуть не увеличилась.

– Кухня! – вскричала Эдит, и Сенлин резко повернулся.

Мейфэр заполнял собой дверной проем, ведущий в кухню. Он выглядел таким же испуганным, как они. Под мышкой массивной руки он держал окорок. В другой сжимал мушкет.

– Что такое инстинкт? – Сенлин стоял перед классом, прямой, как тотемный столб. – Инстинкт – это наследственная реакция на то или иное обстоятельство. – Его взгляд плыл по рядам уставших, но внимательных детей. – Скопа инстинктивно знает, как построить гнездо. Скумбрия инстинктивно плавает косяками. Медведи впадают в спячку, кролики роют норы, а квакша поет. Они не знают, почему поступают именно так, но такое поведение приносит пользу существу и помогает ему выжить.

Он быстро прошел по проходу между партами и выхватил из пальцев испуганного мальчика свернутый лист бумаги. Вернулся на место, разорвал записку, превратив ее в горсть конфетти. Лекция при этом не прерывалась.

– Инстинкт можно условно разделить на два стремления: стремление выжить и стремление размножаться. У людей сознательный разум в курсе этих стремлений. Мы построили общество, чтобы управлять инстинктами. На самом деле общество настолько основательно смягчает наши инстинкты, что легко и вовсе забыть об их существовании.

Он повернулся к доске и принялся набрасывать длинный список.

– У нас есть обычаи, приличия, правительство, констебли, традиции, образование, мода, коммерция, изобретательство и творчество, спорт и так далее. Все эти проявления нашего общества работают на одну и ту же цель: подавление и управление нашими инстинктивными реакциями. – Доска гремела и качалась на опорах, сотрясаясь от неистовой энергии, с которой Сенлин писал. – Инстинкт – это топливо, которое запускает двигатель цивилизации. Поколения трудились, чтобы построить и усовершенствовать этот двигатель. Каждый из вас, я надеюсь, проведет свою жизнь, работая над его сохранением. Потому что без него мы были бы опасными животными.

Он побежал, заслоняясь щитом. Теперь тот казался легче. Адреналин бурлил в крови, когда он помчался на Мейфэра. Громила стоял, как бык, оцепеневший от огней приближающегося поезда. Он казался старше и уязвимее, чем раньше. Сенлин это заметил и впитал, хотя новые сведения его не впечатлили. Он не испытывал ни намека на милосердие. Он не думал; он был сейчас выше мыслей как таковых.

И это было приятно. Он никогда в жизни не действовал вот так, очертя голову. Он чувствовал, как Эдит мчится следом через обеденный зал, и ее собственные инстинкты вторят его инстинктам. Они застигли Мейфэра врасплох. Они выживут.

А потом Мейфэр бросил окорок, поднял мушкет и выстрелил.

Сенлин сидел на дне колодца. Высоко над ним виднелась светящаяся точка. А в ушах звенела пронзительная нота. Она смутно напоминала звук, который раздается, когда пальцем водят по краю бокала.

Его руки и ноги как будто превратились в мокрые веревки. Он был сбит с толку, но странным образом не боялся. Он медленно поднимался со дна колодца, и его бесполезные конечности болтались в темноте. Свет приближался. Он очутился на полу обеденного зала.

Он уставился на собственную бледную руку, лежащую у лица.

Потом перекатился на живот и ощутил каждое ребро как отдельную полосу боли. Щит с примятым углом лежал неподалеку. Сквозь звон в ушах Сенлин слышал стоны и стук дерева. Опрокинутые стулья валялись на полу. Сквозь путаницу ножек он увидел удаляющиеся ноги в ботинках. Еще один стул упал на пол.

Это был Мейфэр – он шагал вдоль стола, бедром прижимаясь к краю, что сбивало Сенлина с толку. Громила переворачивал стулья по пути, не выпуская из рук мушкет. При виде оружия туман в голове Сенлина рассеялся. Он понял, что Эдит больше нет рядом. Ему надо было встать.

Держась за край стола, он поднялся. Схватился за голову, чтобы она не взорвалась. Выстрел Мейфэра угодил в щит, а тот ударил Сенлина в висок. Он боялся, что снова отключится. Затем он увидел, как она скользит по полированной столешнице. Мейфэр тащил ее, держа за юбку. Стоя спиной к Сенлину, он приостановился, чтобы пьяно ощупать ее корсет из китового уса и выступающую беззащитную плоть. Эдит была в полуобмороке. Она застонала, ее голова перекатилась из стороны в сторону, а волосы рассыпались, когда Мейфэр снова ее потащил.

Сенлин обнаружил среди перевернутых стульев кочергу. Он поднял ее высоко над головой и на цыпочках бросился к Мейфэру со спины. Эдит пришла в себя за долю секунды до того, как он достиг цели, и начала пинать Мейфэра сквозь гору юбок. Мейфэр поднял кулак, но Сенлин успел раньше – ударил его кочергой в мускулистую выемку между шеей и плечом.

Мейфэр рухнул, опрокинув последние стулья. Сенлин выронил кочергу, и она полетела по полу, кувыкаясь. Он не побежал за нею. Он потянул Эдит за платье, помогая ей одолеть край стола и встать на ноги. Она привалилась к его груди, все еще слабая после полученного удара. Струйка крови стекала по лбу, огибая глаз. Сенлин увидел рану в волосах. Хотя кровь текла обильно, рана не выглядела опасно глубокой.

Они заковыляли к кухонной двери на четырех непослушных ногах, словно неуклюжий теленок. Одолели две ступеньки, ведущие в кухню, все еще пропитанную ароматами и причудливо-уютную, хоть фальшивку и утратила привлекательность. Буква «И» сияла на табличке на двери перед ними. Сенлин почувствовал, как к нему возвращается здравый смысл, и первая мысль, возникшая из тьмы инстинкта, была столь же простой, сколь и душераздирающей: если он умрет, Мария об этом никогда не узнает. Если он умрет, Мария решит, что он ее бросил.

Они были почти свободны. Несмотря на дрожь в руке, Сенлин поместил ключ в замок с первого раза. Тяжелая дверь распахнулась, и они вывалились в пространство между мирами.

Стая одетых в черное дворецких потрясенно вытаращила глаза на запыхавшуюся пару. Сенлин и Эдит выглядели ужасно. Половина ее лица была в крови, и кровь запятнала кринолин. Накрахмаленную манишку Сенлина покрывали кровавые потеки. С горящими от бесприемного страха глазами они заковыляли по коридору, словно участвуя в гонке на трех ногах, и ее рука лежала на его плече и шее.

Потрясение дворецких породило бедлам. Некоторые отреагировали согласно роли, кланяясь, когда Селин и Эдит проходили мимо, и в переполненном коридоре это было не очень то удобно. Некоторые ругали их за разрушение иллюзии. Кое-кто отшатнулся в смятении, уверенный, что эти мужчина и женщина – убийцы, которые скрылись с места преступления. Сенлин прорывался через черные плечи и фалды, волоча за собой Эдит. Он снова подумал: «Она никогда не узнает, если я умру».

Сквозь невнятный шум толпы раздался крик. Он родился не в гортани, но в желудке. Это был безошибочно узнаваемый гневный рев.

Сенлин повернулся и увидел, что центр коридора опустел. Дворецкие бросились к стенам, как жуки в банке. В конце раздавшейся толпы стоял Мейфэр, глядя в прицел мушкета.

«Она подумает, что я ее бросил».

Грохот выстрела. Дворецкие забились в конвульсиях и упали в обморок.

Глава двенадцатая

*Взятка выигрывает больше споров, чем здравый смысл.
Популярный путеводитель по Вавилонской башне, I.IX*

Мейфэр упал, как театральный занавес. Обугленная рана в спине наполнилась темной кровью. Он испустил последний хриплый вздох.

Позади него стоял отряд людей в белом. Возглавляющий его служитель все еще держал в руке кремневый пистолет. Над дулом вился дымок. Сенлин узнал человека с оружием: тот самый служитель, который сопровождал его за кулисами. Лицо служителя было каменным; если он и раскаивался из-за того, что застрелил человека, то никоим образом это не демонстрировал.

Мейфэр превратился из жизнерадостного, румяного мужчины в кучу обыкновенного мусора. Его седая голова могла сойти за выжатую швабру; руки лежали, вялые, как прошлогодние кабачки; спина смахивала на плотно набитую подушку... Сенлин пытался не смотреть на него, на то, чем он стал. Если бы служители опоздали хоть на секунду, Сенлин сам бы превратился в кучу хлама на полу. Несмотря на то что за несколько последних часов он видел уже вторую насильственную смерть, вместо ужаса Сенлин почувствовал облегчение – огромное, безграничное облегчение. Он не умер.

Все еще держась рукой за его шею, Эдит сбивчиво вздохнула и рассмеялась. Она стиснула его в неуклюжем, кособоком объятии. Сенлин выпрямил спину и нахмурился. Никто бы не догадался, что всего несколько секунд назад этот же человек действовал исключительно на инстинктах. Невзирая на всю свою взбалмошность, Эдит почувствовала перемену в его поведении и чуть отпрянула. Сенлин одарил ее слабой признательной улыбкой.

Но облегчение было недолгим. Вскоре стало очевидно, что отряд вооруженного служителя собирается задержать его и Эдит. Их схватили под руки и потащили вперед – от изумления они двигались неуклюже, словно куклы. Это было унижительное шествие. Пройдя несколько десятков шагов по бесконечному коридору, они подошли к двери, примечательной лишь тем, что на ней отсутствовали какие бы то ни было обозначения. Их втащили в коридор, изобилующий глухими углами. Непримечательная дверь закрылась, оборвав какофонию, доносившуюся из предыдущего коридора.

Тишина продлилась недолго. Эдит об этом позаботилась. Она принялась жаловаться на то, что ее заперли с безумцем, и описала, как близки они были к гибели. Кто-то должен понести ответственность за катастрофическую ошибку! Она потребовала, чтобы ее отпустили, и дернула локтями; сопровождающие лишь усилили хватку.

Несмотря на все более разгневанные протесты Эдит, причина, по которой их вывели из коридоров Салона, осталась без объяснений. В самом деле, что можно объяснить, ничего не сказав? Сопровождающие не были настроены совсем уж враждебно, однако строгость их молчания выбивала почву из-под ног. Сенлину вспомнились предупреждения Голла о том, какие наказания бытуют в Салоне – клеймение и вырывание глаз. И все-таки он не мог поверить, что такая жестокость действительно возможна здесь, среди накрахмаленной хлопчатобумажной униформы, вычищенных ковров и хорошо освещенных коридоров. Несомненно, пыткам подвергались только неменяемые преступники. А они, как Сенлин все время себе напоминал, не сделали ничего плохого.

И все-таки жаль, что при нем нет кошелька. Может быть, этот человек ждет вознаграждения за спасение их жизней. Впрочем, разве разумно с его стороны ожидать чаевых? Он ведь сам конфисковал имущество Сенлина перед началом представления.

Коридоры, по которым они шли, были примечательны только количеством ниш и боковых ответвлений с обеих сторон. Заглядывая в сумеречные укромные уголки, Сенлин увидел молодых мужчин и женщин, одетых в темно-синие униформы банковских клерков. Эти «клерки» обычно сидели на табуретах с открытыми блокнотами для стенограмм на коленях и держали карандаши наготове или строчили. Каждый прижимался глазом к чему-то в стене. Сенлин миновал несколько ниш, прежде чем увидел предмет, которому они уделяли столько внимания. Это был латунный окуляр, похожий на часть телескопа.

И он тотчас же понял, что к чему. Латунные штуковины в стенах бутафорского особняка – не клапаны. Это – глазки!

Ему потребовалось еще мгновение, чтобы понять: это – хорошая новость. Шпион – он ведь в то же самое время очевидец! Должен был найтись свидетель того, что они перенесли. Кто-то видел, как убили Пининга. Кто-то видел, как Мейфэр стрелял в них, а затем утащил Эдит, – Сенлин вздрогнул, подумав, что намерения у него были самые отвратительные. У их пьесы все-таки были зрители. Его и Эдит оправдают!

Поняв это, Сенлин встретился с нею взглядом, пока она продолжала высмеивать их сопровождающих, и поднял брови, словно говоря: «Нет причин сражаться. Не волнуйтесь». Она пылко прищурилась, но прекратила нападки. На скулах ее заходили желваки. Ей не понравилось, что он вмешался, но Сенлин надеялся, что она успокоится, когда узнает причину.

Их путь оказался длиннее, чем позволяли его или ее силы, истощенные от мучений и ран. Кровь на лбу и щеке Эдит засохла ломкой темной корочкой, рана наконец-то затянулась. Ее лицо напомнило убывающую луну. Голова Сенлина все еще гудела от сотрясения после выстрела. И все-таки они на протяжении часа маршировали по изломанным коридорам, мимо сотен ниш, без каких-либо признаков прогресса или перемен.

Наконец белый гипсовый коридор перешел в зал, который можно было легко спутать с фойе государственного учреждения. Ряды скамеек, черные ореховые двери с затейливыми узорами, картины маслом и таблички с именами на стенах. В воздухе пахло воском для полировки стола и кожей. Десятки клерков в темно-синих пиджаках сновали по сводчатому фойе. Они носились из двери в дверь, словно мыши между норами. Как будто выражая почтение цивильной атмосфере их нового окружения, сопровождающие отпустили руки Сенлина и Эдит.

Здесь не было никаких свечей-обманок или нарисованных птиц, фальшивых дверей или пустых книг. Подделки уступили место реальности. Они, казалось, снова попали за кулисы, но на этот раз – не в гримерки. Сенлин предположил, что это деловая часть Салона. Куда же еще их могли привести?

Он хотел поделиться скромным откровением с Эдит, но она, похоже, не была готова поговорить с ним. Она, казалось, оскорбилась его более ранним сигналом соблюдать тишину и приличия. Возможно, она подумала, что он пытается ее опекать. Возможно, так и было. Это не имело значения. Он уже готовился забыть недавние перипетии. Он решил, что когда будет описывать случившееся Марии, то назовет Эдит «упрямой» и «дерзкой». Хотя на самом деле она была лучше приспособлена к такой катастрофе, чем он.

Морщась, он вспомнил просьбу Эдит расстегнуть платье. Наверное, об этом Марии лучше вообще не рассказывать.

В конце концов их вынудили остановиться перед столом на возвышении. Врезанная в стол табличка гласила: «Главный администратор», хотя трибуна напоминала Сенлину скорее судейскую скамью, чем пост, который мог бы занимать секретарь. Он предположил, что звание «администратор» в профессиональном жаргоне Салона означает нечто более важное.

Главный администратор казался немного измученным, перегруженным работой, хотя он все-таки сумел приветствовать их с профессиональным радушием, которое восхитило Сенлина. На поверхности стола высились горы папок, копирок, блокнотов для стенографии и переплетенных в кожу счетоводных книг. Если здесь и была какая-то система, разбирался в ней только он. Темные волосы чиновника говорили о том, что его юные годы миновали недавно, однако уши и нос больше подошли бы человеку в два раза старше. Три монокля свисали на драгоценных цепочках из карманов его жилета, и он часто их менял в зависимости от того, как далеко находился предмет интересов.

Администратор быстро отпустил их сопровождающих, нашел чистый лист бумаги и сказал:

– Судя по вашему виду, я могу провести весь день, извиняясь, и все равно этого будет мало. Но вместо того, чтобы ползать перед вами на коленях – пусть вы оба это и заслужили, – давайте я ускорю всю процедуру, чтобы вы смогли заняться своими делами.

Сенлин бросил взгляд на Эдит и с облегчением заметил, что ее лицо смягчилось после такого вступления.

Администратор сменил монокль, нашел ручку и спросил:

– Вы женаты?

Сенлин сказал: «Да», и одновременно Эдит ответила: «Нет». Это позабавило администратора, хотя он скрыл смех, кашлянув в ладонь.

– Я женат, но не на этой достойной даме, – объяснил Сенлин.

– Конечно. – Администратор дернул себя за кончик внушительного носа. – Разумеется, я ничего не знаю ни о вас, ни о том, через что вам пришлось пройти. Поэтому, если позволите, я задам несколько вопросов – боюсь, они довольно утомительны, но это все ради того, чтобы вы получили соответствующую компенсацию за все, что случилось сегодня. – Взглянув на них через тусклый монокль, он улыбнулся. – Пожалуйста, потерпите меня.

Эдит, со своей стороны, была откровенна в ответах, хотя вопросы показались Сенлину неприятно далекими от темы разговора. Ей тридцать четыре, она из фермерских районов южного Ура, родилась вблизи от города Нис. Провела два года в институте благородных девиц, который бросила, чтобы вернуться и работать на ферме отца, где надзирала за двумястами из трехсот акров семьи. Умела ездить верхом, могла отремонтировать забор и знала, как даже в самой засушливой долине найти воду, исследуя рельеф. А еще она недавно развелась, пробыв в браке девять месяцев.

– Вы уже бывали в Салоне? – спросил администратор, все еще записывая ее ответы в блокнот.

Она впервые немного смутилась:

– Я провела здесь последние два месяца, переходя от одного спектакля к другому. Думаю, всего их было шесть.

– Надеюсь, предыдущие опыты были удачнее последнего, – любезно сказал администратор, и она скромно пожала плечами.

А потом настала очередь Сенлина. Ему очень не хотелось рассказывать детали личной жизни, стоя посреди многолюдного зала. Он пытался быть стойким, но вскоре начал невнятно бормотать и заикаться. Он чувствовал, как кровь приливает к лицу. Он был единственным ребенком; его родители умерли; он хорошо образован, есть работа и доход; женат; детей нет. Лаконичные сведения о самом себе смутили его, хотя он вряд ли смог бы объяснить почему. В кратком пересказе он казался таким непримечательным, таким заурядным. Наверное, он и был непримечательным. Но не чувствовал себя таковым.

Закончив опрос, администратор поблагодарил их за терпение.

– Теперь что касается сегодняшних событий... ваше дело передано помощнику старшего регистратора, мистеру Анену Сефу. Мистер Сеф – опытный и скрупулезный следователь. Дру-

гими словами, он выдающийся человек. Вас временно, ненадолго, буквально на минуту, поместят в отдельную комнату, пока мистер Сеф соберет все доказательства по делу. – Он моргнул, отпуская монокль, и тот качнулся на цепочке, упав на грудь. Администратор махнул высокому лысому клерку, который как будто был вшит в собственный темно-синий пиджак. Казалось, можно сосчитать его позвонки. – Этот служащий проводит вас в вашу комнату. И я благодарен вам обоим за терпение. Вы просто великолепны. Надеюсь, вы подумаете обо мне с такой же теплотой, когда будете вспоминать свое время здесь, в Салоне.

Долговязый клерк вывел их из большого зала, и, пройдя через новый лабиринт коридоров, они вошли в оживленную больничную палату. Она выглядела знакомой во всех отношениях, не считая, конечно, отсутствия окон, которые Сенлин всегда ассоциировал с современными больницами. В конце концов, солнце и свежий воздух необходимы для выздоровления. Они прошли мимо двух тележек: одна была заполнена мисками с кашей, над которыми поднимался пар, а во второй стояло шесть медных цилиндров размером примерно с ведро для молока. Они чем-то напоминали шлемы, только вместо забрала был всего лишь маховик клапана, такой же большой, как прибор целиком. Сенлин понятия не имел, для каких медицинских целей предназначено это устройство.

Мимо проходили медсестры в мягких белых кожаных тапочках, а пациенты с забинтованными руками, ногами и головами лежали на койках, отгороженных ширмами. Мысль о чистой постели и медсестре, которая обработает их раны, обнадежила Сенлина. Он был потрясен, измучен и избит; окажись он дома, отправился бы в постель на неделю и ничего бы не делал, только читал книги, пил чай и слушал, как волны поют бесконечную ритмичную песню.

Но его ждало скорое разочарование: клерк вел их все дальше и дальше, в другой конец палаты, в узкую, теплую, выкрашенную известью комнату. Напротив них был железный люк высотой в четыре фута. С петель отслаивались хлопья ржавчины.

– Помощник Сеф скоро прибудет, – сказал клерк, открывая люк тяжелым мастер-ключом.

Сенлин и Эдит переглянулись. Она выглядела испуганной. Он обнадеживающе ей улыбнулся. Искренне и великодушно, что случалось с Сенлином довольно редко. Администратор был так очарователен, что от нервозности не осталось и следа. Ужасное происшествие уже смягчалось и стиралось из памяти. Казалось, кто-то другой видел убийства, убежал, прятался и боялся лишний раз вздохнуть.

И все-таки эта теплая комната и внезапно бдительный клерк позади них пробудили в нем легчайшее беспокойство. Сенлин его отбросил, как и обычные остатки паники и страха.

Перед ними открылся люк. Пришлось наклониться, чтобы пройти, и по ту сторону сиял такой ослепительный свет, что они оба ничего не могли разглядеть. Воздух был горячий, как чье-то дыхание в лицо. Клерк толкнул Сенлина вперед, ткнув основанием ладони. Сенлин собрался повернуться и отчитать его, когда пол под ногами вдруг закрипел и накренился, как ржавая кроватная пружина, лишая равновесия и сбивая с толку. Люк захлопнулся. Засов ударился о запорную планку.

Все еще слепой, Сенлин стукнулся головой при попытке выпрямиться. Он ощупал проволочную сеть над собой, быстро нашел угол и там обнаружил те же самые ячейки сети, образующие стену. Прищурившись, он рассмотрел, что они оказались чем-то вроде клетки для кур или кроликов, подвешенной в голубой комнате.

А потом Сенлин сообразил, что смотрит на небо. Не нарисованное небо, а настоящие голубые небеса.

Сенлин и Эдит сидели в клетке, прикрепленной к башне с наружной стороны.

Глава тринадцатая

Спросите любого встречного, не скучает ли он по солнцу? Не тоскует ли по луне? И вам ответят: а вы скучаете по тепловому удару? Тоскуете по волчьему вою?

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, III.XII

В сотне футов под ними раскинулся Рынок, красочный и замысловатый, как лоскутное одеяло.

Сенлин неистово колотился в черную железную дверь. В ответ клетка сильно дребезжала. Каждое сочленение скрипело, и ржавчина сыпалась на них как дождь. Ячейка проволоочной сети под ними лопнула. Эдит наконец призвала его остановиться, схватив за шею. Он почти ее не слышал от звука собственных ударов. Он предпочитал ее не слышать.

Администратор обещал им быстрый результат и отдельную комнату. После всего, что Сенлин перенес, он мог поверить лишь в одно: это оплошность. Кто-то ошибся! Почему люди вообще приходят в Салон? Неужели все они садисты? Да это какой-то дурдом!

Он ударился о дверь еще раз, хватая воздух пересохшим ртом. Потом позволил Эдит оттащить себя в сторону. Он рухнул на нее и вяло привалился к проволоочной стене, чтобы унять головокружение.

– С вами такое уже случилось? – спросил он.

– Неужели вы думаете, что я бы вернулась, будь оно так? – Она чуть лучше владела собой, чем Сенлин, хотя голос все равно дрожал. Она посмотрела вниз сквозь сетчатый пол. – Сколько лет этой клетке? Такое ощущение, что она может рассыпаться в любое мгновение.

Сенлин вспомнил в ярких деталях тошнотворные звуки, с которыми команда воздушного корабля ударялась о землю.

– Давайте поговорим о чем-то еще, – ответил он сквозь зубы.

Не хотелось думать о том, кто будет рыться в его карманах, если он упадет на землю.

Их клетка, со всех сторон проволоочная, была размером с детскую кровать. Места хватало, чтобы сидеть спиной к сетке, но не стоять. У них не было выбора, кроме как прижаться друг к другу, что лишь усугубило страдания Сенлина. Он сухо сглотнул и сказал:

– Я не понимаю. Они ведь прекрасно знают, что мы не сделали ничего плохого.

– Все свидетели мертвы. Откуда им знать? – спросила Эдит.

Сенлин объяснил теорию о латунных глазках в стенах особняка и клерках-шпионах, которых он видел в закулисных коридорах. Она подтянула декольте платья, у которого было неловкое свойство скользить вниз, и сказала:

– Мне даже не приходило в голову, что кто-то наблюдает... Ох. – Она, похоже, прокручивала в памяти сцены из прошлого. – Эти глазки были в каждой комнате.

– Если вам от этого легче, я не думаю, что кто-то шпионит за нами сейчас, – сказал Сенлин, вытирая струящийся по лицу пот.

Солнце беспощадно издевалось над ними. Он соорудил небольшой навес из фрака, пропустив рукава через ячейки потолочной сетки и прицепив к открытым концам проволоки. Эдит расстелила пышные юбки, чтобы он на них сел, что немного смягчало колючесть проволоочного пола. Он поблагодарил ее, как мог поблагодарить человека, который освободил место на

скамейке в парке. Они слушали какофонию рынка, верблужьи крики и лай торговцев. Сухой ветер уносил прочь песни далеких сигнальных свистков.

Когда глаз солнца спрятался за башней, настала искусственная ночь. Сенлин смог лучше разглядеть фасад над ними и обнаружил, что его изучение предоставило разуму возможность отвлечься, в которой он так сильно нуждался. Стены были из неотшлифованного известняка. Тут и там из трещин между плитами торчали старые птичьи гнезда. В них, похоже, никто не жил. Другие клетки вроде их собственной, необитаемые, виднелись на некотором расстоянии слева и справа. При взгляде вверх, на башню, через просвет в навесе из фрака у Сенлина так сильно кружилась голова, что он мог лишь коситься в ту сторону и тут же отводить взгляд. Это не имело значения. Там не на что было смотреть. Вдалеке из башни торчали платформы, как шипы из стебля. Он предположил, что это воздушные причалы, но наверняка утверждать не мог. В остальном фасад выглядел обширным и необитаемым, как пустыня.

Не считая заводного паука. Машина, которая проползла наверху по стене башни, была размером с большую собаку и выглядела одновременно пугающей и поразительной. Из сочленений восьми стальных лап выходили струйки пара. Сквозь медный скелет виднелись механизмы внутри. Это было самое замысловатое и элегантное механическое существо, которое встречалось Сенлину. Когда машина приблизилась, стало видно, что в сердце у нее горит ровный рубиновый огонек.

Сенлин был слишком поражен, чтобы испугаться, но ему хватило осторожности, чтобы соблюдать тишину, указывая Эдит на машину. Она быстро втянула воздух и схватила его за руку, но вскоре стало очевидно: заводной паук к ним безразличен. Он проследовал мимо, ступая обутыми в резиновые подушечки лапами, с уверенностью мухи, ползущей по стене. Стоило Сенлину спросить себя, не является ли эта штукавина лишь огромной игрушкой, как ее роль сделалась ясна. Она ремонтировала башню. Она выискивала на фасаде дефекты, которые исправляла, распыляя гель. Гель быстро затвердевал и блестел, словно кварц. Сенлин следил, как машина переползает от трещины к трещине, выдирая птичьи гнезда и латая щели, пока она не исчезла из вида.

Это был гениальный маленький автомат, практичный и действенный. Увидев его, Сенлин снова обнадежился. Башня не вся состояла из ужаса и смятения. Здесь были и чудеса.

Хотя все эти чудеса казались маленькими и далекими.

Никто не рассуждал вслух о том, как долго их тут продержат, принесут ли еду или воду, или птичья клетка станет их могилой. Озвучивая такие мысли, они бы лишь сделали ожидание еще невыносимее. Но через полчаса молчания Эдит сердито застонала и сказала:

– Воображение сводит меня с ума! Я вспомнила каждый конфуз, свидетелем которого могли оказаться шпионы, и придумала кучу способов умереть в этом курятнике.

Сенлин прочистил горло:

– Я тоже. Я лишь подумал о том, сколько стервятников должны усестись на эту клетку, чтобы их веса в сочетании с нашим хватило для...

– Надо поговорить о чем-то другом, – перебила она, хлопая себя по бедрам. – Итак, ваше имя – Томас Сенлин, вы директор школы, и вы женаты. – Это все прозвучало во время допроса, устроенного администратором, разумеется. – Много лет?

– Нет.

Обычно его ответ на этом заканчивался, но теперь что-то вынудило Сенлина продолжить. Возможно, всего лишь товарищеское чувство, которое естественным образом возникает от общей травмы. Или, быть может – хотя в этом он едва ли мог признать даже себе, – Сенлин смутно осознал, что момент не лишен... интимности, а с нею пришло искушение. Чтобы прервать грешный ход мыслей, он выпалил:

– У меня месячный мед... Ой, у нас медовый месяц.

Он бы не винил Эдит, если бы она засмеялась. Но этого не произошло, и она ответила не сразу. Она погладила себя по щеке, счищая засохшую кровь. Казалось, она размышляет, прежде чем задать очевидный вопрос: «Где ваша жена?»

Он слегка удивился и одновременно вздохнул с облегчением, когда вместо этого она начала рассказывать о собственном прошлом. Поскольку больше заняться было нечем, ее байки быстро переросли в историю. Он понял, что она хочет не просто подвести некий итог, но и приукрасить хронику своей жизни всевозможными мелкими деталями. Его всегда тревожили такие длительные исповеди. Он не знал, как себя вести. Но все-таки, пока Эдит говорила, он понемногу расслабился. Она была совсем не такой, какой представилась ему в первый миг – одетая в персиковое платье и помыкающая им, как лакеем. Она не была мелодраматичной или тщеславной. На самом деле она была довольно симпатичной. Она ему понравилась.

Она рассказала ему больше о сельскохозяйственных угодьях семьи и полях, которые засеивали под ее руководством. Когда она описывала свой талант к сельскому хозяйству, в голосе звучала гордость. Она знала, когда следует принести в жертву заболевшие посадки; знала, как разбираться с буферными зонами и что делать во время засухи, как выявлять нечестных бригадиров, пьяниц и где искать замену. У нее было два брата, оба старшие, но ни один не отличался талантом или интересом к семейному бизнесу. Оба управляли небольшими участками и делали это плохо. Ее урожайность всегда была выше. Отец, который хотел провести годы заката, охотясь и превращая плоды своих садов в сидр, гордился ею. Он называл ее Садовой Генеральшей.

А затем, чуть больше года назад, отец уговорил ее выйти замуж за друга семьи, человека по имени Франклин Уинтерс, владельца виноградника со скромными доходами. Она, Генеральша, не нуждавшаяся в мужьях, согласилась только потому, что отец стал развивать тему, какой они старались избегать много лет: ее братья были безответственными, ленивыми и, что хуже, вероломными. Если бы земля досталась им, они бы ее продали и промотали заработанное. Но он не мог завещать состояние незамужней женщине; она оказалась бы уязвима перед лицом судебных разбирательств, не в последнюю очередь затеянных братьями. Замужество защитило бы ее от таких атак; она бы продолжала руководить фермой в свое удовольствие.

Мистер Франклин Уинтерс оказался достаточно безобидным супругом. Он был немного сухопарым, с ровным характером, не влезал в долги и с наемными работниками обращался справедливо, что она отнесла к добрым предзнаменованиям. Важнее всего, он согласился с условиями брака: ее роль в управлении фермой не должна была измениться. Она останется Генеральшей. Он согласился, но с оговоркой. Она могла заниматься делами фермы до тех пор, пока это не представляло угрозы ее здоровью.

Эдит была не дура. Она знала: Уинтерс ожидает, что она забеременеет, и под этим предлогом можно будет убрать ее с поля. Ее отец тоже надеялся, что у нее будут дети, которые продолжат род. Она находила все это нелепым. По ее лицу легко читалось, что материнство никоим образом ее не привлекало. Она согласилась с просьбой Уинтерса лишь потому, что знала – это никогда не станет проблемой. Она была крепкой и флегматичной, но также бесплодной после случившегося много лет назад падения с лошади. Об этом знал лишь сельский доктор.

Условия были сформулированы, соглашение подписано, и они поженились.

Но вскоре после того, как она стала миссис Франклин Уинтерс, – на церемонии, которую сама Эдит описала как «несентиментальную», – муж нашел предлог, чтобы воспользоваться их контрактом в собственных интересах. У нее развилась легкая аллергия на сорняк, который весной рос повсюду вдоль дорожек в начале и в конце каждого высаженного ряда. Это был тот самый сорняк с длинным стеблем, который она раньше жевала, объезжая свежеспашанные поля и проверяя плодородие почвы. Теперь от цветения этой травы она чихала. Уинтерсу этого хватило, чтобы ссадить ее с лошади. Он и слушать не захотел о том, что половина бригадиров страдает тем или иным недугом: подагрой, сифилисом, катарактой. Ей пришлось повесить

вожжи на гвоздик, спрятать ботинки-грязеходы, повязать ленту на соломенную шляпку и смириться с тем, что она слишком слаба здоровьем для руководства фермой. Эдит подозревала, что тем самым ее наказывают за неспособность родить сына. Справедливости ради и от самого Уинтерса в этом деле было маловато толку.

Сенлин бы покраснел, не будь он и так красным от жары.

– Значит, вы с ним развелись?

– Да, – сказала она. – Только вот он не оказал ответной любезности.

– Не понимаю.

– Я тоже! – Она рассмеялась, и теплый порыв ветра бросил спутанные волосы ей на лицо. – Он отказался со мной развестись, и потому я отказалась остаться.

– И вы приехали сюда...

– Чтобы промотать его деньги, мои деньги.

– Играя светскую львицу, – весело сказал Сенлин, но ее лицо помрачнело.

Он скривился, выражая сожаление.

– Это была дурацкая пьеса. – Она вновь опустила юбки, которые вздувались, как воздушный шар. – Мне пришлось играть разряженную куклу, в то время как два пустозвона говорили о делах. Никто из них в делах не смыслил. Фондовая биржа сердца! Я умоляю! Товар, не поддающийся количественному измерению, не продают на фондовой бирже. В этом суть акций. И, насколько я знаю, никто понятия не имеет, сколько весит любовь, какой у нее объем, можно ли ее разделить или с чем-то смешать... Сколько единиц любви требуется для начала романтических отношений? Пять? Двадцать? Фондовая биржа сердца! Если бы один пустозвон не обезумел, это бы случилось со мной. – Она говорила словно в бреду, но в сказанном звучали приятные насмешливые нотки.

Не успел Сенлин ответить, как в железной двери открылся люк.

Они ринулись к нему и увидели лицо молодого человека с тщательно напмаженными усиками, который им широко улыбался.

– Боже мой, как жарко, – сказал молодой человек, и его лицо на миг скрылось из вида, пока он промокал лоб носовым платком с рюшами.

– Выпустите нас! Что за нелепость; здесь опасно! – Сенлину не удалось скрыть отчаяние в голосе. – Мы не сделали ничего плохого.

– Да нет, я понимаю, но сперва я должен расследовать ваше дело, иначе вас снова притащат сюда.

– Тогда расследуйте быстрее, – потребовала Эдит.

Молодой человек прочистил горло:

– Я помощник регистратора. Меня зовут Анен Сеф, и я сегодня буду помогать вам. – Он говорил с запинками, то и дело сглатывая, и Сенлин по манере речи опознал в нем полнейшего неумеху.

– Быстрее, – повторила Эдит.

– Я завершил следствие и доложил о найденном регистратору, который принял решение...

– Что за регистратор? Какие у него полномочия? – перебил Сенлин.

Сеф улыбнулся, в уголках его рта появились морщинки.

– Какой вы забавный! – Потом столь же быстро его лицо разгладилось, как поверхность болота, на которую недавно наступили. – Вас, мистер Сенлин, препроводят на третий этаж, где весьма мило. Вам нравятся павлины?

– Не составил о них мнения.

– В Купальнях множество павлинов, а также курортов и термальных источников.

– Звучит замечательно. Отведите нас туда, – сказала Эдит.

– А-а-а. Видите ли... – Сеф сморщил нос, отчего стал выглядеть еще моложе, и опять прочистил горло. – Миссис Эдит Уинтерс не отправится на третий этаж. Ее высылают на первый.

– Высылают? Почему? – изумилась Эдит. – Вы заперли меня с убийцей, и я стала жертвой нападения.

– Не я. Я вас нигде не запираю – вы, как я понимаю, получили ключ и отправились на ту конкретную сцену Салона добровольно. – Сенлин опознал в ответе Сефа скользкую чиновничью трусость. Парнишка был подающим надежды бюрократом. – Существуют две проблемы. Первая заключается в том, как вы вышли, а вышли вы незаконно. Вас предупредили, что персонажи должны выходить только в свои изначальные коридоры.

– За нами гнался безумец с ружьем! – воскликнула Эдит, ткнув пальцем в юношу и чуть не угодив ему в нос.

Он снова помахал носовым платком перед лицом:

– Да. Но остается второй вопрос – камин, миссис Уинтерс, – продолжил он. – Войдя в Салон, вы согласились с тем, что будете разжигать огонь во всех комнатах, куда попадете. У нас множество свидетельств того, что мистер Сенлин справился с этим простым заданием, в то время как вы, миссис Уинтерс, отнеслись к нему безответственно. В результате несколько каминов погасли.

– Какая разница? Дайте спички, и я разожгу их заново, – сказала она.

– Боюсь, ущерб уже нанесен. Вас изгонят, и вам запретят возвращаться в Салон. Это решение администратора, и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.